

3 1761 06253900 2

PG
3476
A92S535
c.1
ROBARTS

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from
the estate of

MISHA ALLEN

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

ИРКАДИЙ
АВЕРЧЕНКО

ШАЛУНЬИ И ДОТОНЬИ

РАЗСКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

РИС.:
А. АРАДКОВА
И РЕ-МИ
ИЗД.: НОЗ.
САТИРИКОН

РЕ-МИ

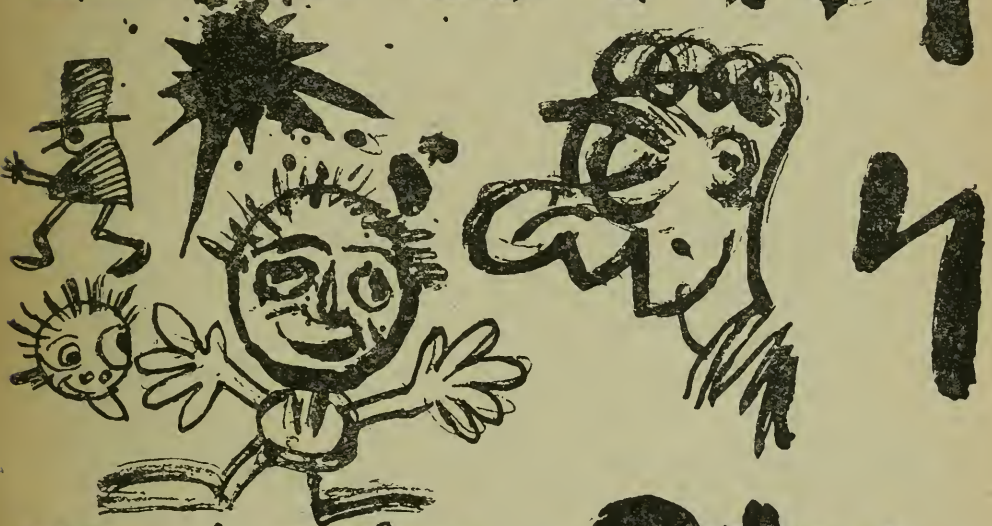
THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Рисунки въ текстъ

А. РАДАКОВА и РЕ-МИ.

АРКАДИ
АВЕРЧЕНКО
ШАЛУНЬИ

РОТООЗЫИ

РАЗСКАЗЫ
ВЛЯВЪТЕИ

СЪРИСУНКАМИ
А. РАДАКОВА И
РЕ-МЛА

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА НОВСАТИРИКОУ

Предводитель Лохмачевъ.

— Предводитель! Все исполнено. Завтракъ готовъ. Мясо изжарено.

— Ого! По чести сказать, малецъ—ты довольно-таки исполнительный парняга. Это что у тебя въ рукахъ?

— Такъ себѣ, ничего, предводитель. Груша. Обыкновенная грушка...

— Дай-ка я откушу маленькій кусочекъ.

Очевидно, эту фразу можно было толковать двояко, потому что Илья Лохмачевъ всунулъ въ ротъ почти всю грушу, оставилъ маленькій кусочекъ и великодушно протянулъ его мнѣ.

Это была небольшая уютная лужайка, окруженная кустами боярышника и кривыми акаціями. Мы помѣщались на краю лужайки въ большой, неправильной формы, ямѣ, по срединѣ которой весело пылалъ костеръ. На этомъ кострѣ жарились нѣсколько кусковъ мяса, выпрошенныхъ малышомъ Петькой у своей доброй слабохарактерной кухарки.

Надо сказать нѣсколько словъ о ямѣ, въ которой мы помѣщались: она была вырыта нашими руками еще весною. Предполагалось сдѣлать подземный ходъ подъ всѣмъ городомъ, до самого моря, куда мы ежедневно бѣгали купаться. Предполагалось ходить купаться именно черезъ это подземелье, а выходъ его у берега моря заваливать каждый разъ какой-нибудь скалой, которая могла бы поворачиваться на замаскированныхъ петляхъ.

Къ рытью подземелья приступили очень охотно, вырыли яму въ полъ-аршина глубиной и бросили. Впрочемъ, яма была и такъ хороша. Посрединѣ разводили костеръ, а по краямъ, на свѣжей травѣ и листьяхъ, располагалась шайка.

Шайка состояла изъ пяти человекъ: предводитель—Илья Лохмачевъ, и мы — Гичкинъ, Луговой, Прехинъ и малышъ Петя,—личность еще не опредѣлившаяся, но полезная тѣмъ, что могла доставлять провіантъ для пирушекъ, а также исполнять всѣ мелкія черныя работы.

Конечно, въ любой благовоспитанной дѣтской Илья Лохмачевъ производилъ бы дурное впечатлѣніе. Ходилъ онъ, заломивъ фуражку на бокъ, изогнувшись бокомъ и насвистывая все время разные грубые марши. Голосъ имѣлъ сиплый и разговоръ его какъ-разъ подходилъ къ голосу:

— Разрази меня громъ, если я не голодень, какъ собака! Пусть дьяволъ унесетъ мою душу, если я сейчасъ не расправлюсь съ тобой по-свойски!

Пилъ онъ его изъ горлышка, запрокинувъ голову, и всѣ мы съ тайнымъ ужасомъ и замираніемъ сердца слѣдили за этой страшной, грубой операціей.

Онъ наводилъ на насъ ужась, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы тайно его уважали. Вотъ почему, несмотря на его тринадцать лѣтъ, онъ былъ уже нашимъ предводителемъ.

Сегодня въ нашей компаніи былъ еще посторонній мальчикъ, приглашенный Гичкинымъ—и, поэтому, Лохмачевъ старался казаться еще страшнѣе, грубѣе и заносчивѣе.

— Тысяча пуль!—прохрипѣлъ онъ.—Если этотъ парень пережарилъ мясо, я вобью его ему въ горло собственнымъ шомполомъ!

О шомполѣ было, конечно, упомянуто для посторонняго мальчика, потому что никакого шомпола у Лохмачева не было.

Однако, кромѣ шомпола, кое-что у Лохмачева было такое, отъ чего посторонній мальчикъ онѣмѣлъ въ ужась и изумленіи.

Именно, Лохмачевъ лѣниво потянулся и сказалъ: „А теперъ недурно бы промочить горло глоточкомъ рома“, наклонился къ краю ямы и, отодвинувъ деревянную заслонку, вынулъ изъ тайника бутылку съ желтой таинственной жидкостью.

Онъ говорилъ, что никакой напитокъ не дѣйствуетъ такъ благотѣтельно на его организмъ, какъ обыкновенный матросскій ромъ. Пилъ онъ его изъ горлышка, запрокинувъ голову, и всѣ мы съ тайнымъ ужасомъ и замираніемъ сердца слѣдили за этой страшной, грубой операціей. Каждый изъ насъ ожидалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ предводитель нашъ зашатается и грохнетъ смертельно пьяный на землю, но ничуть не бывало: отпивъ приблизительно чайный стаканъ, Лохмачевъ опускалъ бутылку, утиралъ губы и, сказавъ хладнокровно: „добрый ромъ“, пряталъ бутылку въ тайникъ.

Никто изъ насъ, конечно, никогда и не думалъ о томъ, чтобы попробовать это ужасное пойло. Кромѣ того, Лохмачевъ однажды предупредилъ, что если хоть одна живая душа дотронется до его запаса—то онъ, Лохмачевъ, познакомитъ смѣльчака со своимъ пистолетомъ, который лежалъ въ томъ же тайникѣ, въ стѣнкѣ ямы—въ черномъ длинномъ футлярѣ.

На этотъ разъ операція съ ромомъ была продѣлана еще медленнѣе и торжественнѣе. Спрятавъ бутылку и осмотрѣвъ внимательно футляръ таинственнаго страшнаго пистолета, Лохмачевъ развалился на краю ямы и, прожевывая жареное мясо, затанулъ старинную воинственную матросскую пѣсню:

Никого мы не боимся,
Всѣхъ возьмемъ на абордажъ,
Въ воду трупы побросаемъ—
Такъ проводимъ мы день нашъ.
Гопы! Гопы!

Помолчавъ немного, Лохмачевъ повернулся къ ошеломленному его прекрасными разбойничьими манерами Постороннему Мальчику и сурово спросилъ его:

— Ты насъ не выдашь?

— Въ чемъ? — робко спросилъ мальчикъ.

— Такъ, вообще.

— А вы что дѣлаете?

— Мало-ли что... Если на-дняхъ у Хрустальныхъ Скалъ найдутъ разбитый бригъ и вся команда будетъ висѣть на реяхъ—ты помалкивай. Ладно?

— Ладно,—сказалъ мальчикъ.—А развѣ вы...

— Тссс!—сказалъ таинственно Лохмачевъ.—Тутъ стѣны имѣютъ уши.

Ближайшая стѣна была, по крайней мѣрѣ, на разстояніи полуверсты, но, тѣмъ не менѣе, Посторонній Мальчикъ умолкъ.

— Да, братъ,—медленно сказалъ Лохмачевъ.—А если проболтаешься, тогда пеняй на себя, если тебя постигнетъ участь Одноглазаго Джима.

— Какого Одноглазаго Джима?—спросилъ заинтересованный Гичкинъ.

— Громъ и молнія! Они не знаютъ, какъ я расправился съ Одноглазымъ Джимомъ! Провались вы въ преисподнюю, если стоитъ водить съ вами компанію.

— Гдѣ же онъ жилъ?—спросилъ Гичкинъ.

— Гдѣ? Около Капштадта, въ Южной Африкѣ. Былъ онъ боэромъ.

— Да ты развѣ былъ въ Южной Африкѣ?

— Былъ, — сказалъ хладнокровно Лохмачевъ, поглядывая на костеръ. — Подбросить бы, ребята, дровецъ.

— Когда? Когда ты былъ?

— Да два года назадъ. Съ отцомъ. Онъ былъ торговцемъ невольниками.

— Да, какъ же такъ: вѣдь твой отецъ служить въ казначействѣ чиновникомъ?

— Ну, и служить. Что жъ тутъ удивительнаго: нельзя же заниматься все время однимъ дѣломъ.

— Такъ ты былъ въ Южной Африкѣ. Вотъ-то здорово! Тамъ, навѣрное, звѣрей много, а?

— Ужасъ! Бывало, ложимся спать — всегда костеръ раскладываемъ. Два года такъ мы промучились.

— Но вѣдь, если левъ {подкрадывается, я думаю, отъ него можно на мустангѣ ускакать?

Лохмачевъ съ сожалѣніемъ оглядѣлъ всю компанію:

— Эхъ, вы, суслики!.. Въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька! Гдѣ вы нашли мустанговъ? Въ Африкѣ? Вотъ что значитъ знать все по учебникамъ географіи, а не по собственному опыту. Во-первыхъ, мустанги водятся только въ Америкѣ, а во-вторыхъ, любая пума, американскій левъ, въ три прыжка догонитъ мустанга. Меня однажды мустангъ подвелъ такъ, что я чуть не погибъ.

— Ты развѣ былъ въ Америкѣ?

— Былъ,—сказалъ Лохмачевъ, презрительно пожимая плечами.—Все мое раннее дѣтство. Ахъ, моя родина! Эти пампасы, озаренные восходящимъ солнцемъ... Эти льяносы...

Онъ погрузился въ задумчивость, которую никто не смѣлъ нарушить. Только малышъ Петя шмыгнувъ носомъ и спросилъ:

— А ихъ ѣдятъ?

— Кого?

— Лампасы.

— Каррамба! — Вскричалъ свирѣпый Лохмачевъ — не хотите ли вы, господинчикъ сказать что я лгу?!!!..

— Ты бы Петя пошелъ прогуляться,—сказаль Лохмачевъ подь общій смѣхъ.—Тебѣ вредно слушать разговоры взрослыхъ.

Петя засопѣлъ, сложиль умоляюще руки и прошепталь фразу, которую онъ подцѣпилъ въ какой-то дѣтской книжкѣ:

— О, не гоните меня, добрый господинъ.

— А въ Австрали ты не былъ?—спросиль Гичкинъ.

Ну, это даже нельзя сказать, что былъ,—пожалъ плечами Лохмачевъ.—Хотя я и прожилъ тамъ три года, но мы жили около Мельбурна и вглубь не заходили.

— Разбойниковъ боялись?

— Разбойниковъ? Разбойниковъ, милый мой, нужно бояться не тамъ...

— А гдѣ же?

— На Кавказѣ. Я до сихъ поръ не могу забыть этихъ двухъ лѣтъ, которые прожилъ у нихъ въ плѣну.

— Да ты развѣ и на Кавказѣ былъ?

— Важное кушанье! Четыре года съ отцомъ въ ущельѣ прожили.

Если бы подсчитать всѣ годы, которые непосѣдливый Лохмачевъ потратиль на скитанія—ему должно бы было быть лѣтъ пятьдесятъ. Но онъ говорилъ объ этомъ такъ увѣренно, съ такой массой подробностей, что ни у кого не зарождалось сомнѣнія.

— А какъ же ты освободился?—спросиль Гичкинъ.—Убѣжалъ?

— Убѣжалъ, какъ же! Отъ нихъ убѣжишь... Просто, отецъ заплатилъ имъ, разрази ихъ громъ, выкупъ.

— Много?

— Пустяки. Десять тысячъ.

Онъ посидѣлъ немного и всталъ:

— Эхъ, воспоминанія на меня нахлынули. Промочу-ка я горло ромомъ. Кстати, ребята, не знаете ли, гдѣ тутъ можно достать табаку для жеванія?

— А ты развѣ... жуешь?

— Да, жевануль бы. Отъ матросовъ научился, да и самъ не знаю, что теперь съ собой дѣлать.

— Отъ какихъ матросовъ?

— Съ которыми я плавалъ. Да не долго пришлось—на „купца“ налетѣли и пошли ко дну.

— На какого купца?

— „Купецъ“. Такъ называется купеческое судно. Они везли кошениль и сандаловое дерево, а мы—пятьсотъ чернокожихъ.

— Торговать рабами стыдно,—сказалъ я возмущенно.—Это позоръ для бѣлыхъ людей.

— Тысяча чертей!—взревѣлъ Лохмачевъ.—Этотъ щенокъ, кажется, собирается меня учить! Не хочешь-ли ты, я поджарю тебя на этихъ угольяхъ вмѣсто говядины?

Простодушный Петя пришелъ мнѣ на выручку. Онъ сложилъ ручки и прошепталъ:

— О, пощадите его, добрый господинъ!

— Пощадить, пощадить... Надо помалкивать, господа, вотъ что.

Чтобы переменить разговоръ, кто-то спросилъ:

— А со львами тебѣ приходилось имѣть дѣло?

— Изрѣдка. Однажды я привязалъ лошадь къ кусту алоэ и погнался за львицей, не замѣтивъ, какъ два львенка подобрались къ лошади и растерзали ее чуть-ли не въ пять минутъ.

— Маленькіе были львята?—спросилъ Посторонній Мальчикъ страннымъ тономъ.

— Маленькіе...

— Тогда ты говоришь неправду. Маленькіе львята не могутъ растерзать лошадь.

— Каррамба!—вскричалъ свирѣпо Лохмачевъ. — Не хотите-ли вы, господинчикъ, сказать, что я лгу?! О, лучше бы вамъ тогда и на свѣтъ не родиться!

— Я говорю только, что маленькіе львята лошади не растерзаютъ.

— Да ты откуда это знаешь?

— Видѣлъ...

— Что видѣлъ? Гдѣ видѣлъ?

— Въ Берлинѣ... Мы съ отцомъ были въ Зоо-логишъ-Гартенъ. Я видѣлъ, какъ сторожъ вынималъ голыми руками за шиворотъ двухъ львятъ и они держали себя, какъ котята. Онъ понесъ ихъ черезъ дорогу и пустилъ побѣгать около пруда.

Странно: всѣ рассказы Лохмачева объ Африкѣ, мустангахъ и кавказскихъ разбойникахъ сразу поту-скнѣли передъ Берлиномъ Посторонняго Мальчика.

Наглый, развязный Лохмачевъ и самъ это почув-ствовалъ.

— Ты говоришь вздоръ! Моимъ лѣвѣтамъ было уже по три мѣсяца, а твои, вѣроятно, только что родились.

— Нѣтъ... Я спрашивалъ у сторожа, и онъ сказалъ, что имъ уже по пяти мѣсяцевъ.

— Какъ же ты спрашивалъ,—угрюмо захохоталъ Лохмачевъ,—если въ Берлинѣ сторожъ—нѣмецъ?

— Потому что я говорю по-нѣмецки, — кротко объяснилъ Посторонній Мальчикъ.

Всѣ мы ахнули: такой маленькій мальчикъ и уже говорить по-нѣмецки.

— Врешь ты! — неожиданно сказалъ Лохмачевъ.— Ни въ Берлинѣ ты не былъ, ни лѣвѣтъ не видѣлъ и по-нѣмецки ты не говоришь.

— Я въ Германіи былъ,—сказалъ Посторонній Мальчикъ, пожимая плечами.—Въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ и Дрезденѣ. И по-нѣмецки я говорю. А вотъ ты нигдѣ не былъ, а просто выдумываешь все.

— Каррамба! Этотъ щенокъ, кажется, обвиняетъ меня во лжи?! Я вижу, тебѣ уже давно мѣшаетъ твой собственный скальпъ и я тебѣ его сниму по образцу моего краснокожаго друга Сѣраго Гриззли!

— О, пощадите его, добрый господинъ, — захныкалъ сердобольный Петя.

— Пойдите, господа,—сказалъ, [вставая, Посторонній Мальчикъ, губы котораго дрожали отъ обиды.— Одну минутку. Такъ ты говоришь, что былъ въ Америкѣ?

— Былъ!

— По-индѣйски говорить умѣешь?

— Ха-ха! Получше, чѣмъ ты по-нѣмецки.

— На языкѣ сіуксовъ говоришь?

— Это все равно—всѣ племена: сіуксы, шавніи, гуроны и апахи говорятъ на одномъ языкѣ.

— Ну, ладно,—усмѣхнулся таинственный Посторонній Мальчикъ.—Идемъ же!

— Куда?

— Сейчасъ мы разберемъ, кто изъ насъ правъ.

— Пойдемъ,—неувѣренно сказалъ страшный Лохмачевъ.—Только имѣй въ виду, если ты завлечешь насъ въ западню, — мы будемъ защищаться, какъ львы.

— Не въ западню, а въ меблированныя комнаты „Ялта“. Не боитесь?

— Лохмачевъ ничего не боится! Дай только промочить горло глоточкомъ ямайскаго рома, и я пойду хоть къ дьяволу на рога.

Черезъ полчаса вся наша молчаливая, приниженная компанія поднималась по лѣстницѣ меблированныхъ комнатъ.

У одной изъ дверей Посторонній Мальчикъ постучалъ и сказалъ:

— Отецъ! Можно къ тебѣ?

— Входи.

— Я не одинъ. Съ товарищами.

— Милости прошу.

Мы гурьбой ввалились въ комнату. Небольшого роста, коренастый, съ мускулистой шеей человѣкъ пожалъ намъ руки и сказалъ:

— Гопъ, гопъ! Друзья мои! Я уже догадываюсь, зачѣмъ вы пришли. Хотите попасть сегодня въ циркъ?

— Это само собой, отецъ,—сказаль Посторонній Мальчикъ, похлопывая его по рукѣ.—А теперь ты скажи: Гарри дома?

— Дома.

— Можно къ нему зайти?

— Если не спить—идите.

Коренастый человекъ распахнулъ боковую дверь и крикнулъ что-то по-англійски.

Мы вошли туда и... испуганно прижались къ двери; передъ нами стоялъ высокій мѣднокрасный мужчина съ черными, длинными воло-

Передъ нами стоялъ высокій мѣднокрасный мужчина.

сами, одѣтый въ коричневый пиджакъ. Въ рукахъ у него былъ огромный лукъ и ножикъ, которымъ онъ что-то исправлялъ въ тетивѣ лука.

— Вотъ, господа, — сказалъ Посторонній Мальчикъ звонкимъ смѣлымъ голосомъ. — Это индѣецъ-сіуксъ, который сегодня выступитъ въ циркъ, какъ знаменитый стрѣлокъ изъ лука. Лохмачевъ! Поговори съ нимъ на его языкѣ. Ты же разговариваешь.

— Онъ не настоящій! — растерявшись, пролепеталъ нашъ предводитель.

— Почему?

— У него нѣтъ перьевъ на головѣ.

Посторонній Мальчикъ засмѣялся, снявъ со стѣны длинный, пестрый токъ изъ перьевъ и дружески нахлобучилъ индѣйцу на голову. Тотъ тоже засмѣялся и сказалъ что-то Лохмачеву.

Лохмачевъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и бокомъ, опустивъ голову, выскочилъ изъ номера.

Всѣ мы восторженно поглядывали на индѣйца и Посторонняго Мальчика, а Малышъ Петя, по своей привычкѣ, всталъ передъ индѣйцемъ на колѣни и пролепеталъ, сложивъ руки:

— О, пощадите насъ, добрый господинъ.

Мы ушли, получивъ обѣщаніе коренастаго чело-
вѣка пустить насъ сегодня въ циркъ, а завтра на
репетиціи покатать на слонѣ.

Веселой гурьбой отправились мы на свою излюбленную лужайку за городомъ... Костеръ уже погасъ... Солнце склонялось къ западу.

Посторонній Мальчикъ смѣло отодвинулъ заслонку и вынулъ знаменитую Лохмачевскую бутылку съ ромомъ и пистолетъ въ футлярѣ.

Безстрашно открылъ онъ футляръ и вынулъ... трубку. Старую, прокуренную, поломанную трубку, съ длиннымъ чубукомъ.

Мы придвинулись ближе..

Онъ откупорилъ зловѣщую бутылку и, подмигнувъ намъ, отхлебнулъ.

— Гм!—сказалъ онъ.—Я предпочитаю его пить горячимъ.

— Что?

— Чай. Вѣдь, это обыкновенный, сладкій чай.

— Кто смѣетъ трогать мое оружіе и мой погребъ?!--раздался за нами хриплый голосъ. — Кто нарушаетъ приказаніе атамана?!

— Урра!—крикнули мы.—Да здравствуетъ новый атаманъ! Ты уже больше не атаманъ... Можешь лгать кому хочешь, но не намъ.

Лохмачевъ уперъ руки въ боки и разразился страшнымъ хохотомъ.

— Бунтъ? Ну, ладно! Вы еще повисите у меня на реяхъ. Кто за мной? Кто еще остался мнѣ вѣренъ?

И раздался неожиданно для насъ тонкій голо-сокъ:

— Я!

Это былъ Петя.

— Ага! Молодчага. Лихой разбойникъ. Отчего же ты не хочешь покинуть своего стараго атамана?

И добросердечный малышъ Петя отвѣчалъ:

— Потому что мнѣ тебя жалко.

Индѣйская хитрость.

Послѣ звонка прошло уже минутъ десять, всѣ уже сидѣли за партами, а учитель географіи не являлся. Сладкая надежда стала закрадываться въ сердца нѣкоторыхъ—именно тѣхъ, которые и не разворачивали вчера истрепанные учебники географіи.. Сладкая надежда:

— А вдругъ не придетъ совсѣмъ?

Учитель пришелъ на двѣнадцатой минутѣ.

Подсолнухинъ Иванъ вскочилъ, сморщилъ свою хитрую, какъ у лисицы, маленькую остроносую мордочку и воскликнулъ дѣланно испуганнымъ голосомъ:

— Слава Богу! Наконецъ-то вы пришли! А мы тутъ такъ безпокоились — не случилось-ли съ вами чего?

— Глупости. Что со мной случится...

— Отчего вы такой блѣдный, Алексанъ Ванычъ?

— Не знаю... У меня безсонница.

— А къ моему отцу разъ тараканъ въ ухо за-ползъ.

— Ну, и что же?

— Да ничего.

— Причемъ тутъ тараканъ?

— Я къ тому, что онъ тоже двѣ ночи не спалъ.

— Кто, тараканъ?—пошутилъ учитель.

Весь классъ заискивающе засмѣялся.

— Только бы не спросилъ,—подумали самые отчаянные бездѣльники,—а то можно смѣяться хоть до вечера.

— Не тараканъ, а мой папаша, Алексанъ Ваньчъ. Мой папаша, Алексанъ Ваньчъ, три пула одной рукой подымаетъ.

— Передай ему мои искреннія поздравленія...

— Я ему совѣтовалъ итти въ борцы, а онъ не хочетъ. Въмѣсто этого, служить въ банкѣ директоромъ—прямо смѣшно.

Такъ какъ учитель уже развернулъ журналъ и разговоръ грозилъ изсякнуть, тѣлстый хохоль Нечипоренко рѣшилъ „подбросить дровъ на огонь“:

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Алексанъ Ваньчъ, объяснилъ этому глупому Полосухину, что онъ самъ не понимаетъ, что говорить. Директоръ банка—это личность уважаемая, а борецъ въ циркѣ...

— Нечипоренко!—сказалъ учитель, погрозивъ ему карандашомъ. — Это къ дѣлу не относится. Сиди и молчи.

Сидѣвшій на задней скамейкѣ Карташевичъ, парень съ очень тугой головой, рѣшилъ, что и ему нужно постороннимъ разговоромъ оттянуть нѣсколько минутъ.

Натужился и среди тишины молвилъ свое слово:

— Молчаніе—знакъ согласія.

— Что?—изумился учитель.

— Я говорю—молчаніе знакъ согласія.

— Ну, такъ что же?

— Да ничего.

— Ты это къ чему сказалъ?

— Вы, Алексанъ Ваньчъ, сказали Нечипоренкѣ „молчи“! Я и говорю: „молчаніе—знакъ согласія“.

— Очень кстати. Знаешь-ли ты, Карташевичъ, когда придетъ твоя очередь говорить?

— Гм.! кхи!—закашлялся Карташевичъ.

— ...когда я спрошу у тебя урокъ. Хорошо?

Карташевичъ не видѣлъ въ этомъ ничего хорошаго, но принужденъ былъ согласиться, сдерживая свой гудящій басъ:

— Горожо.

— Карташевичъ черезъ двухъ мальчиковъ перепрыгиваетъ, — счель умѣстнымъ сообщить Нечипоренко.

— А мнѣ это зачѣмъ знать?

— Не знаю... извините... Я думалъ, можетъ интересно...

— Вотъ что, Нечипоренко. Ты, братъ, хитрый, но я еще хитрѣе... Если ты скажешь еще что-либо подобное, я напишу записку твоему отцу...

— „Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ“, — продекламировалъ невпопадъ Карташевичъ.

— Карташевичъ! Ступай приинки къ печкѣ. Вы сегодня съ ума сошли, что-ли? Дежурный! Что на сегодня готовили?

— Вятскую губернію.

— А-а... Хорошо-сь. Прекрасная губернія. Ну... спросимъ мы... кого бы намъ спросить?

Онъ посмотрѣлъ на притихшихъ учениковъ вопросительно. Конечно, отвѣтить ему могъ каждый, не задумываясь. Ивановичъ посоветовалъ бы спросить Нечипоренку, Патвакановъ—Блимберга, Сураджевъ—Патваканова, и всѣ вмѣстѣ они искренно посоветовали бы, вообще, никого не спрашивать.

— Спросимъ мы...

Худошавый мечтательный Челноковъ поймалъ разсѣянный взглядъ учителя, опустилъ голову, но сейчасъ же поднялъ ее и не менѣе разсѣянно взглянулъ на учителя.

— Ого!—подумалъ онъ.—Глядитъ на Блимберга. А ну-ка, Блимбергъ раскошелив...

-- Челноковъ!

Челноковъ бодро вскочилъ, захлопнувъ подъ партой какую-то книгу и сказалъ:

— Здѣсь!

— Ну? Неужели, здѣсь? — изумился учитель. — Вотъ поразительно! А ну-ка, что ты намъ скажешь о Вятской губерніи?

-- Кхе! Кха! Хррр...

— Что это съ тобой? Ты кашляешь?

— Да, кашляю,—обрадовался Челноковъ.

— Бѣдненькій... Ты, вѣроятно, простудился?

— Да... вѣроятно...

— Вѣроятно! Можетъ быть, твоему здоровью угрожаетъ опасность?

— Угрожаетъ... — машинально отвѣтил Челноковъ.

— Боже мой, какой ужасъ! Можетъ быть, даже жизни угрожаетъ опасность?

Челноковъ сдѣлалъ жалобную гримасу и открылъ было уже ротъ, но учитель опустилъ голову въ журналъ и сказалъ совершенно другимъ, прежнимъ тономъ:

— Ну-съ... Расскажи намъ, что тебѣ извѣстно о Вятской губерніи.

— Вятская губернія, — сказалъ Челноковъ, — отличается своими размѣрами. Это одна изъ самыхъ большихъ губерній Россіи,.. По своей площади она занимаетъ мѣсто, равное... Мексикѣ и штату Виргинія.. Мексика одна изъ самыхъ богатыхъ и плодородныхъ странъ Америки, населена мексиканцами, которые ведутъ стычки и битвы съ гверильесами. Послѣдніе иногда входятъ въ соглашеніе съ индѣйскими племенами павніевъ, гуроновъ, и горе тому мексиканцу, который...

— Постой, — сказалъ учитель, выглядывая изъ-за журнала, — Гдѣ ты въ Вятской губерніи нашель индѣйцевъ?

— Не въ Вятской губерніи, а въ Мексикѣ.

— А Мексика гдѣ?

— Въ Америкѣ.

— А Вятская губернія?

— Въ... Рос...си.

— Такъ ты мнѣ о Вятской губерніи и говори.

— Кгм.! Почва Вятской губерніи имѣеть мало чернозему, климатъ тамъ суровый и потому хлѣбопашество идетъ съ трудомъ. Рожь, пшеница и овесъ— вотъ что, главнымъ образомъ, можетъ произростать въ этой почвѣ. Тутъ мы не встрѣтимъ ни кактусовъ, ни алоэ, ни цѣпкихъ ліанъ, которые перекидываясь съ дерева на дерево, образуютъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ непроходимую чашу, которую съ трудомъ одолѣваетъ томагавкъ отважнаго піонера Дальняго Запада, который смѣло пробирается впередъ подъ немолчные крики обезьянъ и разноцвѣтныхъ попугаевъ, оглашающихъ воздухъ...

— Что?!

— Оглашающихъ, я говорю, воздухъ.

— Кто и чѣмъ оглашаетъ воздухъ?

— Попугаи... криками...

— Одного изъ нихъ я слышу. Къ сожалѣнію, о Вятской губерніи онъ ничего не рассказываетъ.

— Я, Алексанъ Ваньчъ, о Вятской губерніи и рассказываю... Народонаселеніе Вятской губерніи состоитъ изъ великороссовъ. Главное ихъ занятіе хлѣбопашество и охота. Охотятся за пушнымъ звѣремъ— волками, медвѣдями и зайцами, потому что другихъ звѣрей въ Вятской губерніи нѣтъ... Нѣтъ ни хитрыхъ гибкихъ леопардовъ, ни ягуаровъ, ни громадныхъ свирѣпыхъ бизоновъ, которые цѣлыми стадами спокойно пасутся въ своихъ льяносахъ, пока мѣткая стрѣла индѣйца или пуля изъ карабина скваттэра...

— Кого-о?

— Скватера.

— Это что за кушанье?

— Это не кушанье, Алексанъ Ванычъ, а такіе..
знаете... американскіе помѣщики...

— И они живутъ въ Вятской губерніи?!

— Нѣтъ... я—къ слову пришлось...

— Челноковъ, Челноковъ!.. Хотѣлъ я тебѣ поста-
вить пятерку, но — къ слову пришлось и поставлю
двойку. Нечипоренко!

— Тутъ!

— Я тебя объ этомъ не спрашиваю. Говори о
Вятской губерніи:

— Кхе!

— Ну?—поощрилъ учитель.

И вдругъ—всѣ сердца екнули—въ корридоръ бѣ-
шенно прозвенѣлъ звонокъ на большую перемѣну.

— Экая жалость!—отчаянно вздохнулъ Нечипо-
ренко.—А я хотѣлъ отвѣтить урокъ на пятерку. Какъ
разъ сегодня выучилъ!..

— Это вѣрно?—спросилъ учитель.

— Вѣрно.

— Ну, такъ я тебѣ поставлю... тоже двойку, по-
тому что ты отнял у меня полчаса.

Преступленіе голубого шакала.

I.

— Михайлъ! — сказалъ отецъ. — Черезъ двѣ недѣли экзамены, а ты до сихъ поръ и за книжку не брался.

Михайлъ Черепицынъ, ученикъ 2-го класса, держался на этотъ счетъ другого мнѣнія.

— Еще рано готовиться, — отвѣтилъ онъ, не задумываясь.

— Какъ такъ рано?!

— Еще двѣ недѣли. Если я теперь все выучу, такъ къ экзаменамъ и забуду.

— Нечего сказать, хорошій ученикъ! — Другіе всю жизнь помнятъ, а онъ черезъ двѣ недѣли собирается забыть... Маршъ сейчасъ-же за книгу!

Михайлъ Черепицынъ, ученикъ 2-го класса, покорно вздохнулъ и сѣлъ за книгу. На переплетѣ было написано:

— „Малининъ и Буренинъ. Ариѳметика“.

Но если раскрыть эту книгу,—на первой же страницѣ можно было прочесть:

„Солнце склонялось къ западу... Вдругъ высокая трава заколебалась, чьи-то руки раздвинули ее и на прогалину выползъ краснокожій сіуксъ, свирѣпое лицо котораго было покрыто татуировкой.

— Оахъ!—воскликнулъ онъ вполголоса, хватаясь за „тамагаукъ“...

Готовиться къ экзаменамъ было еще рано. Такъ мирно шли дни, и каждое утро и каждый вечеръ сіуксъ Голубой Шакаль хватался за тамагаукъ. А когда до экзамена осталось два дня — ученикъ 2-го класса Михаилъ Черепицынъ, попримѣру сіукса, схватился за книги.

Но, схватившись, увидѣлъ, что, пожалуй, къ экзамену ему не приготовиться. Книгъ было много, а времени мало.

Вдумавшись въ свое положеніе, Черепицынъ заметался, какъ звѣрекъ въ клѣткѣ, но помощи ждать было неоткуда.

Даже самъ гроза прерій Голубой Шакаль не могъ помочь Черепицыну, не смотря на все свое вліяніе и связи на Дальнемъ Западѣ.

Сколько бы онъ не кричалъ свое грозное „оахъ!“, сколько бы не размахивалъ томагаукомъ — учителя не обратили бы на него никакого вниманія.

Черепицынъ тоскливо бралъ книги въ руки, перелистывалъ ихъ одну за другой, но вызубрить все это въ нѣсколько часовъ,—онъ самъ понималъ,—было невозможно.

— Ну, разъ уже поздно, — рѣшилъ Михаилъ Черепицынъ, — ничего не подѣлаешь. Попробую на авось.

Впрочемъ, въ день передъ экзаменомъ нѣкоторыя мѣры, которыя были въ ходу у лѣнливыхъ товарищей, онъ принялъ: положилъ на ночь книги подъ подушку, что, по словамъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ, якобы помогаетъ въ смыслѣ запоминанія предмета.

Кромѣ того, вырвалъ изъ книги самыя трудныя страницы и натошакъ съѣлъ ихъ. Кто-то въ училищѣ увѣрилъ его, что если съѣсть какую-нибудь страницу, то ужъ никогда ее не забудешь.

Было очень противно, жеваная бумага не проходила въ Черепицыно горло, но онъ запилъ водой и съ трудомъ проглотилъ нѣсколько отвратительныхъ комковъ.

А отправляясь на экзамень, Черепицынъ рѣшилъ сдѣлать доброе дѣло: далъ нищему двѣ копѣйки и попросилъ помолиться за то, чтобы онъ, Черепицынъ выдержалъ экзамень.

II.

— Черепицынъ Михаилъ!

— Здѣсь.

— Подойдите къ столу.

Ноги Черепицына дрожали, когда онъ подходилъ къ экзаменаціонному столу.

— Эхъ, — подумалъ онъ, — хорошо бы, чтобъ сейчасъ изъ подъ этого покрытаго зеленымъ сукномъ стола выползъ вождь суксовъ Голубой Шакалъ! всѣ бы испугались, убѣжали и экзамена бы не было.

— Арифметика, это такое .. такая книжка, которая... которая...орая...

Но—чудесь въ наши дни не случается. Изъ подъ стола никто не выльзъ, а учитель математики прищурился и сказалъ:

— Ну-съ... Черепицынъ Михаилъ.. Что такое арифметика?

Черепицынъ Михаилъ проглотилъ слюну и отвѣтилъ, робко озираясь:

— Арифметика, это такое... такая книжка, которая... которая...орая...

— Которая—что?

— Которая... въ зелененькомъ такомъ переплетѣ съ корешочкомъ...

— Нѣтъ, Черепицынъ, я съ вами не о внѣшности книги говорю, а о сущности этого предмета. Какую цѣль преслѣдуетъ арифметика?

— Она преслѣдуетъ.. цѣль.

— Ну, да. Какую-же?

— Эту самую... Задачи. Берется задача и рѣшается.

— Я васъ не о задачахъ спрашиваю! Арифметика— это наука о числахъ.

— Наука о числахъ,—печально повторилъ Черепицынъ.

— Этого, очевидно, вы не знаете... Ну-ка, скажите намъ что-нибудь о дробяхъ. Сколько будетъ— половина отъ трехъ восьмыхъ?

Черепицынъ опустилъ голову.

— Ну?

— Половина изъ трехъ восьмыхъ?

— Да.

— Сейчасъ... сейчасъ, — забормоталъ Черепицынъ. — Половина изъ трехъ восьмыхъ... трижды восемь... двадцать четыре, вычитаемъ половину, остается двѣнадцать... восемь и три одиннадцать.

— Ну?!!

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Ну, у васъ есть три восьмыхъ! Сколько изъ нихъ—половина?

Черепицынъ вытеръ потъ со лба и прохрипѣлъ:

— Видите-ли... Навѣрное, я вамъ не могу этого сказать, только многого это не составитъ.

— Та-акъ. А сколько будетъ, если сложить 47 и 92?

— Рубль тридцать пять...

— Что-о-о?

— Пол... полтора рубля.

— О, Господи! Я васъ не о деньгахъ спрашиваю, а о числахъ!

Одинъ изъ экзаменаторовъ что-то шепнулъ другому и тотъ, отвѣтивъ: „Хорошо“, обратился къ Черепицыну:

— Попробуемъ теперь письменный отвѣтъ. Вотъ садитесь за ту парту и рѣшите вотъ эту задачку. Прочтите ее! Вы ее понимаете?

Черепицынъ прочелъ задачу и признался очень добросовѣстно:

— Нѣтъ, не понимаю. Ее нельзя рѣшить.

— Да?.. Вы такъ думаете? А составитель задачи думалъ, вѣроятно, иначе. Онъ думаетъ, что ее рѣшить можно. Ну? Чего же вы молчите?

— Составить задачу легче, чѣмъ рѣшить,—пролепеталъ Черепицынъ, вода пальцемъ по краю стола.

— Да? Вы так думаете? Знаете, что? Садитесь вонъ за тотъ столъ и составьте-ка задачу, вродѣ этой. Посмотримъ... можетъ быть, у васъ, дѣйствительно, особый талантъ.

Экзаменаторъ улыбнулся и шепнулъ что-то сосѣду. Тотъ тоже усмѣхнулся

III.

— Готово?

— Готово.

— Ну-съ... посмотримъ: „Три мальчика имѣли 12 пушекъ; первый имѣлъ три пушки, второй вдвое больше, а третій имѣлъ остальные. Сколько пушекъ имѣлъ каждый мальчикъ?“

— Ну, милый мой, какая же это задача? Ее и шестилѣтній ребенокъ рѣшить. Нѣтъ, ты составь задачу посложнѣе, подлиннѣе. Чтобы ее рѣшить было не такъ легко.

— Подлиннѣе?—тоскливо сказалъ Черепицынъ.— Сейчасъ.

— Да, да. Понимаешь, чтобы она была запутаннѣе, а то что это такое—три строки и готово. Такъ нельзя.

Усѣвшись снова за столъ, долго теръ бѣдный Черепицынъ свою бѣдную, пустую голову.

— Длинную задачу... Ну, какъ ее тамъ сочинишь, длинную-то?

Только черезъ полчаса поднялся онъ съ мѣста и неувѣренно подошелъ къ экзаменатору.

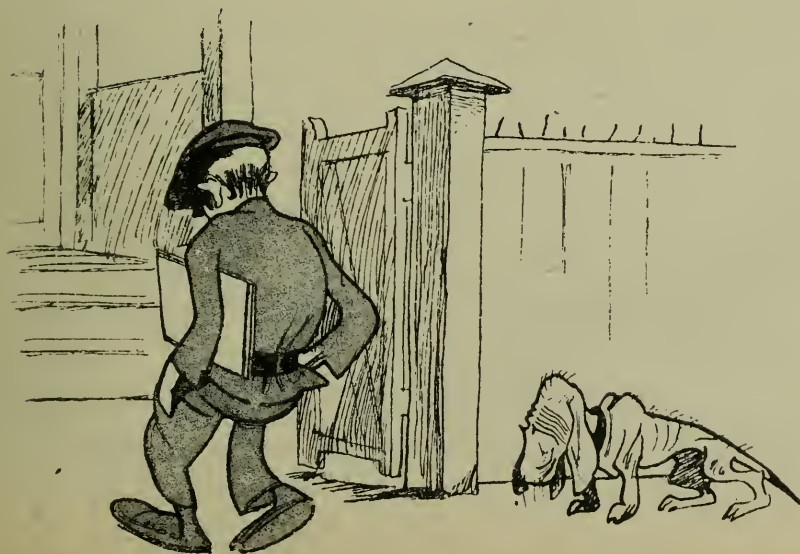
— Сдѣлалъ? Ну, Давай? Гм... „Три винотор-

говца купили 12 кусковъ сукна. Одинъ выѣхалъ изъ Москвы, другой на встрѣчу ему изъ Петербурга, а третій устроилъ бассейнъ и выпустилъ туда все вино въ четыре часа. Если изъ одного крана вода выливается въ часъ сто ведеръ, а въ другой кранъ вливается пятьдесятъ, то спрашивается, сколько было воды. Отъ Петербурга до Москвы 6400 верстъ, а изъ Москвы въ Петербургъ вдвое дешевле; спрашивается, сколько стоили билеты двухъ виноторговцевъ, если одинъ выѣхалъ туда, а другой обратно. Сочинилъ ученикъ 2-го класса Михаилъ Черепицынъ!“.

— Здорово! — сказалъ учитель. — Ступай домой, больше намъ отъ тебя ничего не надо!

Съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ вышелъ на улицу Черепицынъ. Увидѣлъ нищаго, подошелъ къ нему и сказалъ плачущимъ голосомъ:

— Ты, навѣрное, не молился... Отдавай мои двѣ копѣйки!

Японская борьба.

Общій другъ и благопріятель Саша Кувырковъ вошелъ въ комнату, оглядѣлъ снисходительно всю компанію и очень бодро воскликнулъ:

— Ну, вы! Червяки дождевые! Что сидите, нахолившись? Нужно быть радостными, бодрыми и здоровыми! Спортомъ нужно заниматься.

Это было что-то новое...

Всѣ подняли головы и вопросительно поглядѣли на Сашу.

— Это ты съ какихъ же поръ сталъ спортсменомъ?—освѣдомился долговязый Бачкинъ.

— Я-то? Меня, братцы, всегда къ этому тянуло. Что можетъ быть лучше гармонически развитаго тѣла... И теперь... Вы знаете, я будто снова на Божій свѣтъ народился...

— Господи! Еще разъ? Намъ тебя и одного было довольно.

— Вы—лошади! Поймите вы, что съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ изучать Джіу-Джитцу, я хожу, дышу и говорю по-новому.

— Нужно быть радостными, бодрыми и здоровыми! Спортомъ нужно заниматься.

— Чего-о?

— Что „чего“?

— Какъ ты сказалъ, какое слово?

— Джиу-Джитцу. Японская борьба.

— Ага. Очень приятно. Садитесь.

— Эхъ, вы, деревянные мозги! Вы все готовы высмѣять, надъ всѣмъ вы издѣваетесь, а того не знаете, что Джиу-Джитцу такая борьба, въ которой маленькій хрупкій человекъ расшвыряетъ трехъ большихъ верзиль.

— Что ты говоришь, Саша?!

— Вправду, Саша?

— А, что мнѣ съ вами говорить! Я васъ просто отошлю къ Ганкоку!

— Хорошо, что не дальше.

— Кто же этотъ удивительный Ганкокъ?

— Ганкокъ? О, это, братцы, человѣкъ! Онъ систематизировалъ и привелъ въ порядокъ весь огромный матеріалъ по исторіи борьбы Джіу-Джитцу.

Раздались восторженные восклицанія:

— Какой молодецъ!

— Тебѣ бы такъ.

— Обязательно запишу его имя въ поминаніе за здравіе.

— Боже, какъ вы омерзительны своей самовлюбленной тупостью. Я вамъ говорю серьезно, я раскрываю передъ вами одно изъ лучшихъ сокровищъ великаго японскаго народа, а вы хрюкаете, какъ меланезійскіе дикари надъ граммофономъ!..

— Слава Богу! Наконецъ-то Кувырковъ вышелъ изъ себя.

— Да право! Я, можетъ быть, и самъ раньше думалъ, какъ вы, но, когда приступилъ къ изученію Джіу-Джитцу, я благоговѣнно преклонилъ голову.

— Ну, не волнуйся, чудакъ. Расскажи лучше, въ чемъ тамъ дѣло?..

— Понимаете, это все основано на изученіи мускуловъ и нервныхъ центровъ человѣческаго тѣла. Нажатіемъ извѣстнаго мѣста на тыльной части кисти

руки можно, напримѣръ, парализовать всю руку и привести человѣка въ безпомощное состояніе...

— А ну, покажи.

— Хорошо. Дай-ка ты, Володя, свою руку. Да не бойся, чудакъ. Джиу-Джитцу тѣмъ и хорошо, что безъ злой воли не наноситъ членовредительства. Давай руку, Володя, не бойся.

— Я не боюсь,—простодушно сказалъ Володя, протягивая руку.

— Ну, вотъ... Видите это мѣсто? Тутъ, между двумя суставами. Ну, вотъ—я нажимаю это мѣсто... больно?

— Да, какъ будто немножко больно.

— Нѣтъ, ничего. Только ты ногтемъ не дави.

— Я не давлю, Боже меня сохрани. Больно? Чувствуешь ты, какъ рука постепенно нѣмѣеть?

— Нѣтъ, какъ будто ничего.

— Постой... Ахъ, да, я не ту руку взялъ. Дай другую.

— На.

— Ну, вотъ. Больно?

— Да, какъ будто немножко больно, — сказала добрякъ Володя, сжалившись надъ пыхтящимъ, измученнымъ Сашей Кувырковымъ.

— То-то и оно. Это еще ничего. А то есть страшныя вещи: ребромъ ладони, если ударить наискосокъ, можно переломить руку.

— Чью?—робко спросилъ кто-то.

— Понятно, чужую. Что за дикій вопросъ. А вы, знаете, на примѣръ лучшей способъ обезвредить противника, не трогая его пальцемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Покажи, Саша.

— Ну, вотъ, скажемъ, возьмемъ Бачкина. Пойди сюда, Бачкинъ. Вотъ, на примѣръ, Бачкинъ подходитъ ко мнѣ съ намѣреніемъ напасть на меня. Подходи, Бачкинъ, съ намѣреніемъ напасть на меня.

— Ну, подходи же, Бачкинъ,—поощрительно зашумѣла заинтересованная компанія.—Подходи, не бойся.

— Подходить, значитъ, нужно съ намѣреніемъ напасть?—переспросилъ добросовѣстный Бачкинъ.

— Ну, да?

Бачкинъ выпучилъ самымъ злодѣйскимъ образомъ глаза, растопырилъ руки и, рыча, сталъ приближаться къ мужественно ожидавшему его Кувыркову.

Бачкинъ выпучилъ самымъ злодѣйскимъ образомъ глаза...

— Ну, вотъ, смотрите, господа: онъ приближается, я хватаю его за лацканы пиджака, дергаю ихъ внизъ и... Пстой, чортъ! Чего жъ ты лѣзешь? Гдѣ у тебя лацканы? Гдѣ пиджакъ!..

— А развѣ нужно пиджакъ?— смутился Бачкинъ.— Ну, извини, пожалуйста. У меня рабочая блуза.

— Такъ же нельзя, господа... Въ блузѣ человекъ, а туда же—на Джіу-Джитцу лѣзеть. Дайте ему кто-нибудь пиджакъ сверхъ блузы. Вотъ такъ! Надѣвай, Бачкинъ... Подкрадывайся съ цѣлью напасть.

— Ну, вотъ, глядите... Пстой... ты только не поднимай руки; держи ихъ такъ вотъ, опущенными. Ну, глядите: разъ, два, три!

Кувырковъ схватилъ Бачкина за лацканы и дернулъ ихъ внизъ, спустивъ пиджакъ съ плечъ до половины. Руки у того дѣйствительно оказались ущемленными спустившимся пиджакомъ, что привело всѣхъ въ восторгъ.

Поаплодировали.

Кувырковъ торжествующе держалъ Бачкина за лацканы.

— А дальше что?—кратко спросилъ Бачкинъ.

— Дальше ничего. Я тебя обезвредилъ.

— Но вѣдь ты меня долженъ такъ держать все время.

— Почему?!

— Да стоитъ тебѣ только выпустить мой воротъ изъ рукъ, какъ я на тебя нападу.

— А ты не нападай, — благоразумно возразилъ кто-то. — Позвольте, — сказалъ Кувырковъ. — Но

— Постой, постой... Такъ нельзя!

если онъ на меня нападетъ, у меня явится другой пріемъ. Ну, вотъ, я тебя выпустилъ, нападай на меня.

Бачкинъ поднялъ руку и нерѣшительно схватилъ Кувыркова за горло.

— Постой, постой... Такъ нельзя. Ты пусти. Видишь ли, ты долженъ поднять обѣ руки кверху и напасть на меня. Ну, нападай! А я присѣдаю, подныриваю подъ твои вытянутыя руки, одной рукой схватываю за ближайшее колѣно, и... дальше я, кажется, забылъ, что нужно дѣлать... Пусти-ка... Да постой! Я посмотрю, въ чемъ тамъ дѣло?

Кувырковъ вылѣзъ изъ-подъ долговязаго Бачкина, вынулъ изъ кармана книжечку въ кирпичнаго цвѣта обложкѣ и сталъ усердно ее перелистывать.

— А, вотъ: „Нападающій часто пускаетъ въ ходъ такую продѣлку: прыгнувъ впередъ и выпрямившись, онъ тотчасъ же присѣдаетъ подъ вытянутыя руки противника, одной рукой схватываетъ его за ближайшее колѣно, а другой—возможно выше наноситъ ударъ. Во время удара надо тянуть охваченное колѣно впередъ или въ сторону, и у противника, приготовившагося отразить атаку на другой высотѣ, остается только одинъ свободный выборъ: падать или на спину или на бокъ“. Ну, вотъ. Давай сначала! Ну, нападай. Руки вверхъ, какъ можно выше, ради Бога! Ну, вотъ. Гопъ! гопъ! гопъ! Чего жъ ты не падаешь?

— А развѣ нужно упасть?—удивленно спросилъ Бачкинъ.

— Ну, как же! Вот дикое существо! Я его и за колѣно тяну и въ животъ ударилъ, а онъ стоитъ, какъ колокольня Ивана Великаго!

— Да тамъ Какъ сказано, въ книжкѣ-то?

— Просто сказано: „Противнику остается только одинъ свободный выборъ: падать или на спину, или на бокъ“. А ты не падаешь.

— Просто Бачкинъ бездарный парень, — сказалъ Володя. — Если бы онъ изучилъ Джіу-Джитцу, онъ зналъ бы, когда нужно упасть. Охота тебѣ, Кувырковъ, со всякимъ бороться.

— Вотъ ты, Володя, смѣешься, а на самомъ дѣлѣ, ей Богу, Джіу-Джитцу замѣчательная вещь. Вы знаете, господа, знаменитый приемъ съ нажатіемъ основного сустава безымяннаго пальца?

— Нѣтъ... Откуда жъ намъ знать!

— Мы люди темные.

— Прекрасный, такъ называемый „джентельменскій“ приемъ. Вамъ стоитъ только повернуть противника къ себѣ вполоборота, захватить его руку и, нажавъ своими двумя пальцами верхній суставъ безымяннаго пальца противника, совершенно обезвредить его. Володя, дай руку.

— На! Здравствуй, какъ поживаешь?

— Не шути. Сейчасъ тебѣ будетъ не до шутокъ. Ну, вотъ. Видите? Я надавливаю на твой суставъ. Теперь, — торжествующе закричалъ Кувырковъ, — бей меня по чемъ хочешь — по головѣ, по затылку, по груди — посмотримъ, какъ тебѣ это удастся.

— Изволь, — сказалъ Володя и ударилъ Кувыркова по затылку.

— Изволь, — сказалъ Володя и ударилъ Кувыркова по затылку довольно сильно.

— Пстой, я, кажется, не тотъ суставъ надавилъ... А ну-ка, дай этотъ? Ну? Теперь попробуй. Ой! Ну это уже свинство... Я тебѣ вѣдь только показываю, а ты обрадовался! Дерется, болванъ, что есть силы...

— Такъ ты же вѣдь говорилъ, что ударить нельзя!

— Конечно, нельзя. Вотъ тутъ и въ книжкѣ сказано: „Въ этомъ положеніи противникъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ коснуться ни одной части тѣла нападающаго“. Понялъ! „Ни въ коемъ случаѣ“.

— Ну, извини. Другихъ приемовъ тамъ нѣтъ.

Саша Кувырковъ погасъ, увялъ и тонъ его сдѣлался лѣнливо-покорнымъ.

— Да, конечно, есть и другіе приемы. Это вѣдь замѣчательная борьба. Еще древніе самураи боролись.

— Земля имъ пухомъ,—благословѣнно прошепталь Бачкинъ.

А проворный Челябинскій упругимъ прыжкомъ вскочилъ на столъ, принялъ позу и манеру стараго профессора-лектора и сказалъ.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Искусство японской борьбы Джиу-Джитцу очень сложное и трудное искусство. Постольку, поскольку нашъ извѣстный молодой чемпионъ Кувырковъ познакомилъ насъ съ этой борьбой—Джиу-Джитцу требуетъ многого. Во-первыхъ, при нападеніи, врагъ долженъ быть въ пиджакъ; если же онаго у него нѣтъ, онъ долженъ пойти домой, или къ пріятелю, или въ магазинъ готоваго платья и тамъ таковой пиджакъ приобрѣсти. Во-вторыхъ, противникъ долженъ быть вѣжливъ, и, если вы

Саша Кувырковъ погасъ, увялъ и тонъ его сдѣлался лѣниво-покорнымъ.

утверждаете, что рука у него вашимъ пріемомъ парализована, онъ долженъ немедленно согласиться съ вами—иначе онъ хамъ и мытарь. Въ-третьихъ, если по учебнику Джіу-Джитцу послѣ одного изъ вашихъ пріемовъ противникъ долженъ лежать на землѣ, то пусть онъ, каналья, ложится, а не стоитъ, какъ каланча. И, наконецъ, въ-четвертыхъ, если тебѣ нажимаютъ на суставъ, не смѣй драться, разъ тебя увѣряютъ, что въ этомъ положеніи ты не можешь „ни въ коемъ случаѣ коснуться тѣла противника“! Резюмируя все вышесказанное и подводя, такъ сказать, итогъ—я долженъ сказать, что японская борьба Джіу-Джитцу — борьба замѣчательная, дающая вамъ безцѣнные преимущества, но только въ томъ случаѣ если изучали ее не вы, а вашъ противникъ... За здоровье самурая Кувыркова! Ура!

Всѣ сдѣлали видъ, что растроганы и принялись утирать платками сухіе глаза.

И только по виду Кувыркова было замѣтно, что онъ не прочь заплакать по настоящему.

Дѣловой мальчикъ.

Отъ автора.

Милыя дѣти! Вѣрите-ли вы мнѣ, что я васъ чрезвычайно люблю и что для меня нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ возиться съ вами, разговаривать, а если вы еще малы, то качать васъ на колѣнѣ: гопъ! гопъ!

И мнѣ на-дняхъ было чрезвычайно грустно, когда одна маленькая дѣвочка пыталась уличить меня во лжи,—будто бы я когда-нибудь былъ способенъ солгать дѣтямъ!

Я рассказывалъ ей сказку и вскользь упомянулъ о мальчикѣ, который съѣлъ свой двухколесный велосипедъ.

Услышавъ это, дѣвочка широко открыла глаза и заявила мнѣ крайне невѣжливо:

— Ты лжешь! Мальчикъ не можетъ съѣсть велосипеда.

Я тогда не оправдывался... Но мнѣ было очень, очень грустно и обидно!

И нижеслѣдующій рассказъ я пишу отчасти для того, чтобы той дѣвочкѣ было стыдно, отчасти же,—чтобы мои маленькіе читатели повѣрили, что не только мальчики могутъ въ жизни глотать велосипеды, но случаются и болѣе удивительныя вещи.

Аркадій Аверченко

...Велосипедъ былъ прекрасный: двухколесный, съ кожанымъ сѣдломъ и даже со звонкомъ, въ который можно было звонить, сколько влѣзеть, предупреждая встрѣчнаго путника объ угрожающей ему опасности.

Можно было бы сказать, что владѣлецъ велосипеда Николаша, ходитъ какъ именинникъ.

Можно было бы сказать, что владѣлецъ велосипеда, Николаша, ходитъ, какъ именинникъ, если бы Николаша, дѣйствительно, не былъ сегодня именинникомъ.

Подарковъ преподнесли много, но больше всего радовалъ Николашу велосипедъ—предметъ его давнишнихъ пылкихъ мечтаній.

Едва кончился обѣдъ, какъ Николаша вскочилъ на свой велосипедъ и помчался на площадку около дачнаго театра.

На площадкѣ шумѣла и веселилась чудеснѣйшая компанія: маленькіе гимназистики, штатскіе дѣти, еще не вкусившіе прелести гимназическаго мундира и обойщиковъ сынъ Петраха—душа общества, балагуръ и гимнастъ, которому было совершенно безразлично, какъ ни стоять: на головѣ, или на ногахъ; первое онъ даже предпочиталъ, потому что въ этомъ положеніи оставались свободными обѣ ноги, которыми онъ выдѣлывалъ разные фокусы. Вообще, Петраха былъ пресимпатичнымъ ребенкомъ и если бы не его хриплый голосъ, вѣчное желаніе подвести ближняго подъ непріятность и способность божиться по всякимъ пустякамъ—онъ занялъ бы солидное положеніе въ обществѣ.

Увидѣвъ подѣхавшаго Николашу, этотъ ребенокъ подпрыгнулъ, сталъ на голову и проревѣлъ, красный отъ натуги:

— Ник-колаша! Откуда у тебя велосипедяша?

— Подарили!—восторженно сказалъ Николаша.—
Гляди-ка какой! Двухколесный и со звончкомъ.

Петрахъ дома никогда ничего не дарили, кромѣ тумаконъ. Обойщикъ былъ того мнѣнія, что всякій тумакъ приноситъ свою пользу: „одинъ тумакъ—одинъ пятакъ. Сто тумаконъ—сто пятаковъ“. Зара-

батывая въ день иногда до двухсотъ такихъ пятакъ, что составляло 10 рублей, Петраха, однако, былъ бѣденъ, какъ церковная крыса. Поэтому, роскошный Николашинъ подарокъ поселилъ въ его голодной душѣ самую отчаянную зависть.

— Ну, братъ,—сказалъ онъ, критически осматривая велосипедъ,—штука не важная.

— Почему?—встревоженно спросилъ Николаша.

— Потому. Колесъ мало.

— Да, вѣдь, въ настоящемъ велосипедѣ больше и не бываетъ.

— А трехколесные-то, значить, хуже?

— Конечно, хуже...

— Потому. Колесъ мало.

— Значить, чѣмъ меньше колесъ, тѣмъ лучше?

— Да,—неувѣренно сказалъ Николаша.

— Значить, два лучше, чѣмъ три, а одно лучше, чѣмъ два?

— Да... да,—сказалъ ошеломленный Николаша.

— А безъ колеса, значить, еще лучше? Хо-хо!

— Отстань!

— Отстань... Вамъ бы все только отстать. По водѣ-то на немъ ѣздить можно?

— По водѣ нельзя.

— Ну такъ что жъ съ него толку — по землѣ только таскаться.

Не успѣлъ онъ сказать этого, какъ велосипедъ сразу потускнѣлъ въ глазахъ Николаши... Колеса показались маленькими, спицы слишкомъ тонкими, а звонокъ своей трескотней дѣйствовалъ на нервы.

— Ты ничего не понимаешь,—разстроено сказалъ Николаша.

Какой-то гимназистикъ приблизился къ нимъ, держа въ рукахъ странный черный предметъ со множествомъ разныхъ кнопокъ и застежекъ.

— Слушай, какъ тебя, Николаша...—солидно сказалъ онъ.—Хочешь мѣняться: отдай мнѣ велосипедъ, а я тебѣ фотографическій аппаратъ. Ладно?

— Ишь ты, какой ловкій, — быстро возразилъ Николаша.—На велосипедѣ ѣздить можно, а фотографическій аппаратъ—куда онъ мнѣ...

— Ну, знаешь-ли, — пожалъ плечами гимназистикъ,—ты, я вижу, ничего не понимаешь: моимъ аппаратомъ что угодно снять можно, — и будетъ,

какъ въ натурѣ. Домъ выйдетъ, человѣкъ, или лошадь—все равно. Можешь своихъ родителей снять—очень пріятная штука.

— Велосипедъ лучше, — упрямо сказалъ Николаша.

— Лучше? Да ты своимъ велосипедомъ можешь фотографію снять?

— Нѣтъ... не могу.

— А моимъ аппаратомъ можно. Значить, что лучше?

— А зачѣмъ же ты хочешь мѣняться, если твой аппаратъ лучше?

— Да, просто, вижу—хорошій мальчикъ... Отчего бы ему и не принести пользы. Ежели бы ты былъ умный, ты бы сразу понялъ.

— А что мнѣ дома скажутъ, когда я безъ велосипеда приду?

— Безъ велосипеда!.. Такъ за то, чудакъ, ты человѣкъ, съ фотографическимъ аппаратомъ. Дома-то будутъ всѣ довольны во-какъ!

— Петраха!—обратился полный сомнѣній Николаша къ своему вѣроломному другу — обойщикову сыну.—Какъ ты думаешь: что лучше?

Гимназистикъ незамѣтно толкнулъ колѣномъ Петраху и сталъ смотрѣть куда-то въ сторону.

И вѣроломный другъ Петраха сказалъ восторженно:

— О, Боже-жъ! Конечно, фотографія. Ты своимъ велосипедомъ даже мухи не снимешь, а тутъ накося! Что твоей душенькѣ угодно...

— Ну ладно,—со вздохомъ сказалъ Николаша,— бери. Только твой аппаратъ не испорченъ?

— Сегодня только получилъ. Новехонькій.

И гимназистикъ, вручивъ Николашѣ аппаратъ взялъ велосипедъ.

— Настоящій-то, а? Велосипедъ-то? Можетъ деревянный?

— Конечно, настоящій. Честное слово.

— Ну то-то. Съѣздить домой, что-ли...

Николаша усѣлся съ Петрахой на скамеечкѣ и оба углубились въ разсматриваніе аппарата.

Николаша усѣлся съ Петрахой на скамеечкѣ и оба углубились въ разсматриваніе аппарата.

— Хлѣбъ да соль!—сказалъ высокій, долговязый, веснучатый мальчишка, подходя къ скамьѣ и похлопывая себя деревяннымъ лукомъ по колѣну. — Что подѣлываете?

— Здравствуй, Антоновъ. Вотъ аппаратъ разсматриваемъ.

— А у меня, братцы, лукъ такой, что заглядѣнье. На двадцать шаговъ въ цѣль попадаетъ. Если даже будешь просить помѣняться на твой аппаратъ — ни за что не помѣняюсь.

— Да я и не хочу,—сказаль Николаша.

— Почему не хочешь? Что-жъ, твой аппаратъ развѣ лучше моего лука?

— Лучше.

— Много ты понимаешь!.. Да я вчера стрѣлой стекло въ третьемъ этажѣ выбиль—такъ мнѣ задали такую трепку, что мое почтеніе. Это тебѣ, братъ, не фотографія.

— А все-таки фотографія лучше.

— Лучше?!—съ негодованіемъ вскрикнулъ веснушчатый мальчикъ.—Да если этой стрѣлой въ чело вѣка попасть, такъ онъ тебя такъ исколотитъ, что ногъ не потянешь! Да я вчера, если хочешь знать вазу на подзеркальникѣ вдребезги раскокаль, а ты мнѣ говоришь—аппаратъ лучше! Отецъ меня въ погребъ за это заперъ, а ты говоришь—аппаратъ лучше.

— Да чѣмъ же аппаратъ хуже,—спросилъ Николаша, наполовину уже убѣжденный этимъ стремительнымъ вихремъ странныхъ доказательствъ.

— Чѣмъ? Ты вотъ что скажи: изъ твоего аппарата можно стрѣлять?

— Н... нѣтъ.

— Ну, и помалкивай. А изъ моего лука стрѣляй, сколько угодно. Да я на-дняхъ, можетъ быть, сосѣд-

нюю болонку такъ подцѣпилъ стрѣлой, что отецъ хотѣлъ меня въ разсылные мальчишки отдать. Такъ меня исколотилъ, что живого мѣста нѣтъ.

Петраха въ это время съ внимательнымъ видомъ знатока осматривалъ лукъ.

— Петраха,—сказалъ Николаша, смотря на лукъ разгорѣвшимися глазами.—Что лучше?

— Конечно, лукъ,—сказалъ Петраха, переталкиваясь локтями съ долговязымъ мальчишкой.—Изъ твоей фотографіи, дѣйствительно, не выстрѣлишь.

— А зато,—возразилъ Николаша, чувствуя, что онъ тонетъ въ этомъ морѣ противорѣчій, — зато я могу снимать, что хочу: папу, тетю, домъ, собаку, или птичку.

— Эхъ, ты! „Птичку“... Да тебѣ что пріятнѣе снять птицу, или [подстрѣлить ее? Подстрѣлить-то лучше.

— А стрѣлы есть?—спросилъ со вздохомъ Николаша.

— Двѣ штуки цѣлыхъ! Идетъ, что-ли? А то братъ, будешь просить—не помѣняюсь. Пользуйся: что я сейчасъ такой добрый!

— Ну, ладно...—сказалъ Николаша.

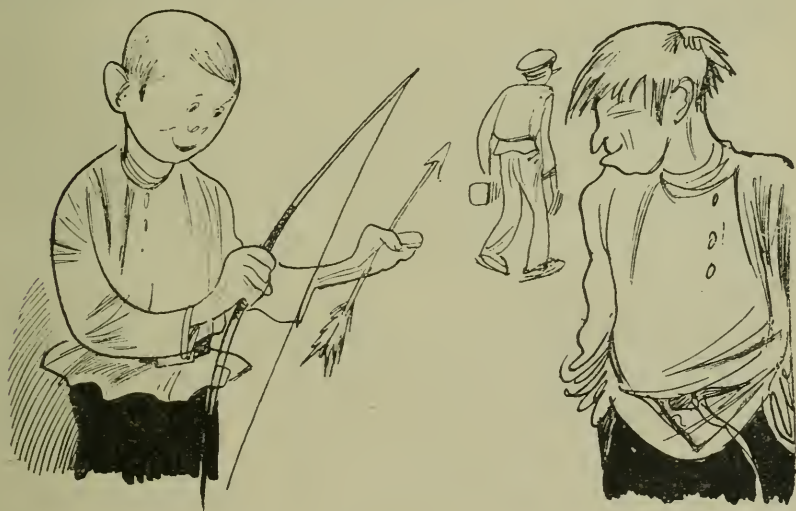
— Вотъ, добряга-то этотъ Антоновъ! — воскликнулъ лукавый Петраха. — Отдаетъ такой хорошій лукъ.

— Мнѣ, Петраха, не жалко,—сладенько сказалъ долговязый Антоновъ. — Я, Петраха, предобрѣйшій мальчикъ. Пусть человѣкъ пользуется — мнѣ что! Носи на здоровье!

Очевидно, о Николашѣ разнеслись вѣсти по всей площадкѣ, потому что черезъ минуту послѣ ухода рыжаго мальчишки къ скамейкѣ подлетѣлъ еще одинъ мальчикъ самаго добродушнаго вида.

— Эхъ, ты, Николаша,—сказалъ онъ. — Жалко мнѣ тебя... Ну, зачѣмъ тебѣ этотъ лукъ? Вѣдь, имъ рисовать нельзя?

— Рисовать нельзя,—возразилъ Николаша, голова котораго горѣла отъ той массы дѣлъ, которыя онъ совершилъ въ столь короткій промежутокъ. — Рисовать нельзя, а стрѣлять можно.

— Эхъ, ты, Николаша,—сказалъ онъ.—Жалко мнѣ тебя...

— Куда стрѣлять? Зачѣмъ стрѣлять?

— Ну... въ собаку... Или въ вазу. Вчера, вонъ, Антоновъ въ вазу попалъ, такъ его такъ отодрали, что мое почтеніе!

— Такъ что-жь тутъ хорошаго? — резонно сказалъ добродушный мальчикъ.—Его отодрали и тебѣ то же будетъ. За рисованіе, братъ, не отдерутъ!

— Почему.. за рисованіе.. не отдерутъ?

— „Почему, почему“?! Да ты видѣлъ когда-нибудь человѣка, котораго наказывали бы за рисованіе?

— Нѣтъ, не видѣлъ.

— То-то, вотъ. Я какъ разъ сегодня получилъ цѣлую коробку цвѣтныхъ карандашей... 16 штукъ. Это тебѣ не лукъ. Лукомъ-то ты не очень разрисуешься.

— А Антонова, вонъ, за лукъ отецъ хотѣлъ отдать въ разсылъные мальчишки.

Странное дѣло: тѣ доказательства, которыя въ устахъ Антонова дѣйствовали такъ убѣдительно на Николашу—совершенно не убѣждали карандашнаго мальчика.

— То-то и оно, — сказалъ карандашный мальчикъ.—Съ этимъ лукомъ бѣды не оберешься. А карандаши—одно удовольствіе: рисуй себѣ, да рисуй, раскрашивай, да раскрашивай...

— И не жалко тебѣ,—спросилъ Петраха карандашнаго мальчика, -- такіе хорошіе карандаши за какой-то скверный лукъ отдавать.

— Да, вѣдь ты давеча хвалилъ лукъ,—удивился Николаша.

— Хвалилъ потому, что карандашей не видалъ. Карандаши-то прямо заглядѣнье.

— Ну, хорошо,—сказалъ Николаша.—Бери лукъ.

— Не желаю!—сказалъ добродушный мальчикъ.— Карандаши лучше.

— Ну, пожалуйста. Я тебя очень прошу. Ты же самъ предлагалъ... Теперь отказываться нечестно.

— Развѣ что нечестно,—покачалъ головой карандашный мальчикъ.—Потому только и мѣняюсь, что общалъ. Эхъ-ма! Бери!

Когда Николаша и Петраха остались одни, Петраха оглядѣлся и, отведя Николашу въ сторону, таинственно спросилъ:

— А что, они вкусные?

— Что? Кто?

— Да эти карандаши-то?

— Что ты, братецъ! Ихъ не ѣдятъ.

— Да, ну? Вотъ такъ влопался ты въ исторію.

Петраха посвисталъ, заложивъ руки въ карманы.

— А что?—испуганно спросилъ Николаша.

— Да, вѣдь, я думалъ, что ихъ ѣсть можно, а то, что въ нихъ толку.

— Ими рисуютъ.

— Ну, что тамъ рисуютъ. Это и чернымъ карандашемъ можно.

Петраха подумалъ немного, вынулъ изъ кармана коробочку съ двумя шоколадными сигарами и сказалъ:

-- Вотъ это, по крайней мѣрѣ, ѣдятъ.

-- Дай мнѣ кусочекъ, — попросилъ Николаша, поглядывая на сигары.

— Эхъ, жалко мнѣ тебя... Хочешь мѣняться? Ужъ такъ и быть, выручу. Больно ты парень хоро-

— Я... его... съѣлъ.

шій. И какъ это тебя угораздило?! Я думаю себѣ— ихъ и съѣсть можно, и то, и се, — а они, оказывается, только для рисованія... А, вѣдь, шоколадная сигара — это штука! Ее въ ротъ возьмешь, будто куришь, а самъ, знай, отъѣдай конецъ.

— Ну, хорошо, — сказалъ Николаша съ дѣловымъ видомъ. — Дай мнѣ за карандаши полторы, а себѣ возьми половинку...

Сошлись на томъ, что Петраха за карандаши даетъ одну изъ сигаръ, а другую съѣсть самъ, такъ какъ, по его словамъ, ему и то убыточно.

— Эти сигары, самъ знаешь, — сказалъ, онъ, — даромъ на полу не валяются...

Усталый, печальный, возвращался Николаша домой. Когда онъ вошелъ на веранду, отецъ оглядѣлъ его и спросилъ:

— А гдѣ же велосипедъ?

И вдругъ, какъ молнія, озарило Николашу: велосипеда-то, вѣдь, дѣйствительно, нѣтъ, и аппарата нѣтъ, и лука, и карандашей...

И, схватившись руками за голову, заплакалъ бѣдный именинникъ.

— Что съ тобой? Гдѣ велосипедъ?

И, прерывая слова горькими рыданіями, едва сумѣлъ выговорить Николаша:

— Я... его... съѣлъ!..

Солидное предпріятіе.

Записки дѣловаго человѣка.

Я—человѣкъ аккуратный.

Ложась спать, я каждый вечеръ аккуратно отрывалъ листокъ календаря и, аккуратно прочтя его обратную сторону, ложился въ кровать, аккуратно каждую ночь засыпая.

Но однажды я нарушилъ этотъ прекрасный порядокъ, и все пошло къ чорту.

Въ тотъ несчастный вечеръ, съ котораго все началось, я, по обыкновенію, прочелъ календарный листокъ, но почему-то не легъ спать, а заглянулъ въ слѣдующій, честное слово, съ той только цѣлью, чтобы угадать, что мнѣ придется читать завтра.

На завтра я долженъ былъ пополнить свои знанія способомъ американцевъ дѣлать изъ бумаги дома—и это мнѣ не понравилось.

Я заглянулъ въ „послѣзавтра“. Послѣзавтра календарь освѣдомлялъ публику о послѣднихъ предсмертныхъ словахъ разныхъ великихъ людей, и эти

афоризмы я читалъ уже въ газетной „смѣси“ разъ восемьдесятъ.

Огорченный, потерявшій терпѣніе, я углубился дальше.

Дни летѣли передъ мной, какъ секунды, и, несмотря на то, что на дворѣ былъ снѣжный январь, я уже перелисталъ мартъ, апрѣль и уже купался въ горячихъ волнахъ жгучаго лѣтняго солнца.

Въ меню все время мелькала земляника со сливками, компотъ изъ свѣжихъ персиковъ и салатъ изъ помидоръ. Я чувствовалъ, что эта роскошь, при осуществленіи ея, нанесетъ моему скромному бюджету тяжелый ударъ и, поэтому, миновавши „виноградъ и американскую дыню“, я разстался съ золотистой меланхолической осенью.

Дальше 18-го декабря я уже не пошелъ.

Теперь передъ мной проносилась холодная снѣжная зима съ заносами и вьюгами. Я благополучно подходилъ уже къ веселому, жизнерадостному Рождеству, какъ вдругъ на 18-мъ декабрѣ споткнулся.

Я никогда не забуду этого дня.

Это было идиотское 18-е декабрь...

Наверху было скромное благонамѣренное изрѣченіе: „Старайся прожить свою жизнь хорошо и тебѣ будетъ прекрасно житься“, внизу было вкусное сытое меню, за то посрединѣ...

Я прочелъ вотъ что:

Американскіе миллиардеры. Всѣ миллиардеры начинали ни съ чего! Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить популярный въ Америкѣ Джонотанъ Джонсъ, который въ началѣ своей карьеры миллиардера слонялся оборванный, буквально, безъ гроша. Найдя однажды на улицѣ апельсинныя корки, онъ отправился на главную улицу и аккуратно разложилъ ихъ на мостовой, спрятавшись потомъ за угломъ. Многіе прохожіе, наступивъ на корку, скользили, онъ выскакивая, поддерживалъ ихъ, и ничего за это, кромѣ словъ благодарности, не выручалъ. Но одинъ солидный господинъ, поддержанный имъ, вынулъ изъ кармана четверть доллара и далъ ихъ галантному оборванцу. Джонсъ на эти деньги закупилъ немного дешеваго товара и, разжившись, сдѣлался миллиардеромъ “...

Дальше 18-го декабря я уже не пошелъ.

Ошеломленный, придавленный, я едва добрался до кровати и, улегшись на нее, провелъ ночь, не смыкая глазъ.

Нѣсколько апельсинныхъ корокъ и... миллиардеръ!
Вотъ они—сказки жизни.

Всю ночь мнѣ грезилась яхта въ Средиземномъ морѣ, дворець въ Пятомъ Авеню и конюшня, биткомъ набитая арабскими лошадьми.

И надъ всѣмъ этимъ яркимъ солнечнымъ пятномъ сіяла одна жалкая апельсинная корка—тотъ ключъ, который долженъ открыть волшебную дверь къ яхтѣ, дворцамъ и лошадямъ.

Всю ночь я не спалъ, а къ утру у меня созрѣло непоколебимое рѣшеніе.

Я рѣшилъ сдѣлаться миллиардеромъ.

Утромъ я отправился въ банкъ и взялъ для начала дѣла тѣ три тысячи рублей, которыя составляли весь мой капиталъ.

Этотъ день такъ же, какъ и слѣдующіе, я провель въ самыхъ отчаянныхъ хлопотахъ.

Мнѣ нужно было найти приличное помѣщеніе для конторы въ тихомъ дѣловомъ кварталѣ; заказать торговыя книги и нанять нѣсколько человекъ расторопныхъ, смысленныхъ служащихъ, которые бы знали бухгалтерское и, вообще, торговое дѣло и были бы мнѣ преданными, усердными помощниками.

Контору я нашель съ большимъ трудомъ, потому что мнѣ необходимъ былъ подъ помѣщеніемъ конторы обширный, сухой подвальный складъ. Это стоило дорого, но мнѣ знакомъ принципъ, что солидность—половина успѣха предпріятія.

Легче всего было заказать бухгалтерскія книги, которыя мнѣ изготовили подѣ солиднымъ и громкимъ заглавіемъ на корешкахъ:

— „Торговый домъ для эксплуатаціи апельсиновыхъ корокъ“.

Я едва выбралъ время, чтобы захватить въ оптовый фруктовый складъ и потолковать съ хозяиномъ его о доставкѣ мнѣ апельсиновъ по оптовымъ цѣнамъ. Мы условились, что я буду получать, по минимальной цѣнѣ, отъ двадцати до двадцати пяти ящиковъ въ мѣсяцъ, причемъ первая партія должна быть доставлена въ мой погребъ сегодня же.

Работа закипѣла.

Черезъ недѣлю аппаратъ дѣла былъ уже настолько хорошо налаженъ, что мы могли приступить къ практической работѣ.

Такъ какъ четверо моихъ служащихъ (бухгалтеръ, его помощникъ, кассиръ, котораго я, для экономіи, нанялъ также въ качествѣ дѣлопроизводителя, и телефонистъ), были до начала операціи свободны,—я всѣхъ ихъ занялъ чисткой апельсиновъ, на что ушелъ цѣлый день.

Въ этотъ же день мнѣ впервые пришла въ голову мысль: какъ поступить съ очищенными апельсинами? Выбрасывать было жаль, и мы рѣшили съѣдать ихъ,—чтобы эти вкусные плоды не пропадали даромъ.

Къ вечеру мы имѣли изрядный запасъ корокъ, но на другой день я не могъ выйти на работу, потому что съ нашими желудками случилось что-то странное.

— Какой это идиотъ набросалъ здѣсь апельсиновыхъ корокъ.

Это странное прекратилось только черезъ три дня, и никакихъ дурныхъ послѣдствій оно не имѣло. Касирь (онъ же дѣлопроизводитель) увѣрялъ, что къ апельсинамъ легко привыкнуть, для чего ихъ нужно чаще и больше ѣсть.

Наконецъ, я отправился на работу. (Не желая первое время ставить дѣло слишкомъ en grand, я обхожусь пока безъ помощниковъ. Въ будущемъ же, я рѣшилъ завести цѣлый штатъ разбрасывателей корокъ, организовавъ ихъ на манеръ артели).

Въ одной рукѣ я несъ корзинку съ корками, въ другой ящикъ, въ которомъ лежали корпія, бинты и пластырь.

Выбравъ людную улицу, я разбросалъ на большомъ пространствѣ корки и сталъ выжидать счастливыхъ случаевъ.

Тутъ же я убѣдился, что безъ помощниковъ предприятие это очень трудное, потому что на окраинахъ отмежеваннаго мною участка прохожіе падали безъ моей поддержки и, вставая, ругались на чемъ свѣтъ стоитъ.

Центромъ я завѣдывалъ довольно успѣшно, поддерживая поскользнувшихъ и поднимая упавшихъ, за что къ вечеру въ моемъ карманѣ уже звенѣло нѣсколько монетъ.

Результатомъ я былъ доволенъ, но меня огорчало одно: сегодня около сорока человекъ выразили свое мнѣніе, что бросившій корки—дуракъ и идіотъ.

Скользя и падая, каждый считалъ своимъ долгомъ сказать вслухъ:

— Какой это идіотъ набросалъ здѣсь апельсиновыхъ корокъ!

А такъ какъ корки-то набросалъ именно я,—самолюбіе мое было очень уязвлено.

Кромѣ вышеприведеннаго, сердце мое сжималось отъ того, что къ концу трудового дня моя профессія приобрѣла мрачную трагическую окраску...

Одинъ старикъ поскользнувшись, сломалъ ногу, а маленькая гимназистка вдребезги разбила свою русую головку о троттуарную тумбу!

Тутъ же я рѣшилъ, когда дѣло разовьется, завести собственныя каретки скорой помощи и набрать штатъ расторопныхъ докторовъ.

На другой день, утромъ, я внесъ кассиру всю вырученную мною наличность, а бухгалтеръ расписалъ ее по книгамъ въ графу: „валовой доходъ отъ предприятия“.

Предприятие развѣртывалось медленнымъ, но вѣрнымъ и нормальнымъ ходомъ.

Вчера мой трудовой день чуть не окончился трагически... Спѣша къ упавшему прохожему, я поскользнулся самъ о собственную корку и разбилъ колѣнную чашечку. Теперь хромаю.

Нужно будетъ завести сапоги съ шипами.

Какой ужасъ: сломалъ руку старый генералъ, и вышибъ глазъ, наткнувшись при паденіи на палку, молодой господинъ.

Сегодня скандалъ.

Полиція, замѣтивъ, что я разбрасываю корки, поймала меня и представила въ участокъ. Господи—за что!? Я далъ свой адресъ. Что-то будетъ!

Крахи! Самый ужасный, неожиданный крахъ всего предприятия...

Всѣ увѣчные, узнавъ изъ газетъ о „разбрасывателѣ корокъ“, предъявляютъ ко мнѣ гражданскіе иски и,

кромѣ того, прокуроръ возбуждаетъ противъ меня уголовное преслѣдованіе! Что-то будетъ?

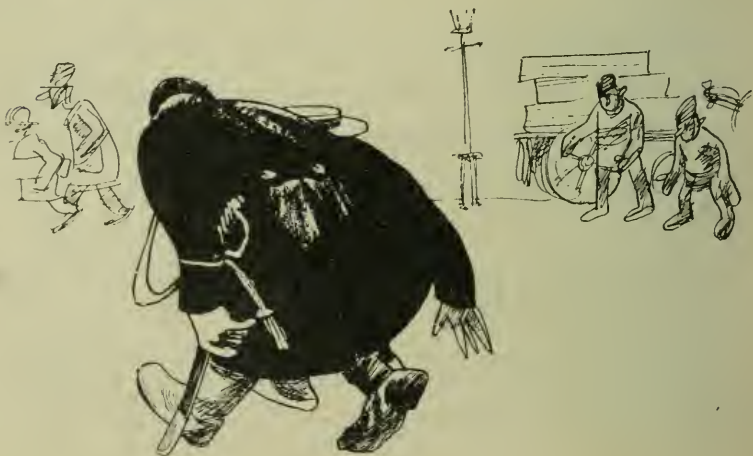
Сегодня, отправляясь на судъ, я увидѣлъ три подводы, привезшіе ящики съ апельсинами.

Увы! Ихъ некому даже принять, потому что кассиръ (онъ же дѣлопроизводитель) убѣжалъ съ оставшейся въ кассѣ тысячей рублей, а бухгалтеръ умеръ въ больницѣ отъ остраго желудочнаго расстройства.

Помощникъ его и телефонистъ сидятъ теперь одни въ пустой конторѣ и грустно ждутъ, пока я выдамъ имъ жалованье.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось прочесть очень забавную книжку — сочиненіе Грибоѣдова. Оно называется „Горе отъ ума“, и мнѣ особенно понравилась въ немъ одна фраза:

— Всѣ врутъ календари.

Страшное преступленіе въ кабацѣ дяди Стамати.

У нашихъ ногъ синѣло прекрасное тихое море. Мы легли на песокъ животами кверху и повели длинный лѣнивый разговоръ.

Слѣдователь сказалъ мнѣ:

— Я недурно изучилъ за два года этихъ чудесныхъ южанъ. Ихъ можно любить, но уважать ихъ невозможно.

— Почему?

— Потому что у этихъ людей нѣтъ середины. Попробуйте разспросить у когонибудь изъ нихъ: далеко-ли до такого-то мѣста? Одному изъ нихъ разстояніе въ десять верстъ кажется очень короткимъ... И онъ, размахивая руками, закричитъ: „Что вы!! Помилуйте!! Два шага... Десять-двѣнадцатъ минутъ ходьбы и вы тамъ! Близехонько... Если-бы намъ влѣзть на эту крышу—я показалъ бы вамъ отсюда это мѣсто!“ Спросите другого южанина болѣе лѣниваго, менѣе подвижного: „О-о, заоретъ онъ, (они тихо

никогда не говорятъ). Вы туда хотите идти? Пѣшкомъ? Да я вамъ скажу: въ два дня не дойдете. Автомобиль если—другое дѣло... Въ нѣсколько часовъ дойдете. А пѣшкомъ? Сумасшествіе "... Спросите у южанина мнѣніе о его сосѣдѣ... Если сосѣдъ ему мало-мальски симпатиченъ—онъ всплеснетъ руками и закричитъ: „Кто? Ованесъ Туташвили? Да это-жъ святой человѣкъ!! Въдь это-жъ геніальная личность! Онъ еще не министръ... да, спрошу я васъ, почему? Да потому, что онъ самъ не хочетъ! Это-жъ человѣкъ, съ котораго нужно напечатать портреты и повѣсить себѣ на удовольствіе вездѣ, гдѣ можно! Ованесъ!! Его на рукахъ нужно носить днемъ и ночью, этого Ованеса“. Но если Ованесъ поспорить со своимъ поклонникомъ изъ-за подшибленной ноги курицы или взятой безъ спроса лодки—слушайте, что вамъ

Мы легли на песокъ животами кверху и повели длинный лѣтний разговоръ.

скажутъ объ Ованесѣ... „Ованесъ? Вы увѣрены, что онъ именно такъ называется? Идѣтъ онъ называется—вотъ какъ! Это-жъ форменный каторжникъ, босявка! — Всѣ добрые люди трясутся отъ страха, когда это чудовище показывается на улицу. Вѣдь ему застрѣлить человѣка все равно, что стаканъ вина изъ-подъ тарапана выпить, накажи меня Богъ! Чтобъ я такъ жилъ!“.

— Неужели, всѣ такіе?—спросилъ я.

— Всѣ. Разъ южная кровь — значить, такой. Возьми ты ихъ купцовъ... Спроси въ любой лавченкѣ. „сколько стоитъ десятокъ лимоновъ?“ — „Шестьдесятъ копѣекъ!“ Не разговаривая, вынимай кошелекъ и плати тридцать. Онъ ничего не возразитъ и даже не будетъ удивленъ... Онъ, въ сущности, и самъ хотѣлъ сказать: „тридцать“, да ужъ, какъ то, оно само сказалось—шестьдесятъ.

Вдохнувъ жадной грудью пахучій воздухъ, слѣдователь мягко улыбнулся и неожиданно закончилъ:

— А, въ общемъ—они чудесный народъ!..

* * *

...Послышался топотъ нѣсколькихъ тяжелыхъ ногъ. Мы обернули лица и увидѣли двухъ горожанъ, которые, сломя голову, мчались на насъ, перепрыгивая съ камня на камень и яростно размахивая загорѣлыми руками.

Когда они подбѣжали къ намъ и обезсиленные, со стономъ ужаса, повалились на песокъ, слѣдователь оглядѣлъ ихъ и спокойно спросилъ:

... Послышался топотъ нѣсколькихъ тяжелыхъ ногъ.

— Здорово, Тулумбасовъ! Здорово, Кандараки! Что случилось? Не искусили ли васъ бѣшенныя собаки?

Тулумбасовъ зарылъ руки въ песокъ и застоналъ.

— О, г. слѣдователь!! Если-бы насъ искусили бѣшенныя собаки—мы бы даже не поморщились... Страшное преступленіе!

Кандараки посмотрѣлъ на насъ ширско раскрытыми глазами, въ которыхъ застылъ нечеловѣчскій ужасъ, и пролепеталъ:

— Что-же это будетъ, если звѣри уже вырвались на волю и рѣжутъ людей, какъ цыплятъ?.. Почему-бы имъ не зарѣзать и меня? И мою жену Марину? И маленькаго Христу?

— Кто тамъ зарѣзалъ? Кого?

— Мы-жъ говоримъ — матросы! Два громадныхъ буйвола матроса!! У этихъ чертей ни жалости, ни милосердія!

— Кого зарѣзали?

— Весь кабакъ дяди Стамати они зарѣзали! Массу людей они зарѣзали! Двухъ человѣкъ!! Мы сами видѣли.

Слѣдователь всталъ и отряхнулъ песокъ съ платья.

— Стойте! Пусть говоритъ Тулумбасовъ. Говорите толкомъ...

— Чего тамъ говорить толкомъ! Нельзя говорить толкомъ! Зарѣзали, ограбили и убѣжали. Все ограбили—весь-весь кабакъ унесли!

— Въ чемъ... унесли?

— Въ узлѣ. Большой такой. Пудовъ десять!

— Постойте... Кто же это первый замѣтилъ?

— Я первый,—сказалъ Тулумбасовъ.

— Первый я,—сказалъ Кандараки.

— А кто первый изъ васъ двухъ? — терпѣливо спросилъ слѣдователь.

— Я первѣе.

— Первѣе—я.

— А изъ двухъ—кто первый?

— Изъ двухъ? Онъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ указалъ Кандараки на Тулумбасова.

— Что же вы увидѣли и какимъ образомъ?

— Вотъ какимъ. Иду я къ Стамати, насчетъ водки изъ выжимокъ условиться—онъ у меня всегда покупаетъ... Вдругъ, смотрю, окно кабака раскрывается и оттуда выпрыгиваютъ два матроса съ но-

Окно кабака раскрывается и оттуда выпрыгивают два матроса съ ножами и огромными узлами въ рукахъ.

жами и огромными узлами въ рукахъ. Выскочили и убѣжали. „Э“,—думаю,—„дѣло нечистое“... Да подхожу къ окну, да какъ загляну—и свѣту, матушки-мои, не взвидѣлъ. Лежатъ двое: Стамати и еще одинъ на полу съ перерѣзанными горлами, кругомъ кровь и все перевернуто вверхъ ногами... Вижу — Кандараки идетъ—я и ему показалъ. Посмотрѣли, да бѣжать—прямо къ вамъ!

— Какіе изъ себя матросы и куда они побѣжали?

— Они высокіе, черные, широкоплечіе... Глаза горятъ, какъ у волковъ. А направились они прямо по дорогѣ на Феодосію... Боже-жъ мой... что будетъ, что только будетъ?..

— Надо осмотрѣть кабакъ прежде всего, — сказалъ слѣдователь.

— Нужно догнать прежде всего убійць, — горячо возразилъ я, — пока они не убѣжали... А кабакъ всегда можно осмотрѣть.

— Ну, чтожъ... убійць—такъ убійць, — лѣнливо согласился слѣдователь.—Достаньте намъ у Марасьянца двухъ лошадей—мы съ пріятелемъ поѣдемъ.

— А войско?—закричалъ Кандараки.

— Какое войско?

— Какъ—какое?.. Что же вы думаете — вамъ удастся вдвоемъ справиться съ этими двумя звѣрями, съ этими бѣшеными тиграми? Нуженъ десятокъ солдатъ съ ружьями.

— Ничего,—сказалъ слѣдователь.—Справимся и такъ.

— Что это за люди!—восхищенно зааплодировалъ Кандараки.—Это-жъ форменные герои!

— Это жъ какіе то мученики идеи!—согласился восторженный Тулумбасовъ.—Какіе-то Жанны д'Аркъ! Ну, Богъ вамъ на помощь! Живыми не сдавайтесь! А вотъ и дворъ Марасьянца!

— Далеко матросы могли убѣжать?—спросилъ я.

— Недалеко. Версть десять.

— Или двадцать,—подтвердилъ Тулумбасовъ.

— А, пожалуй, и двадцать.

— Эй, Марасьянць!—Пару лошадей!

* * *

Мы скакали, понукая рѣзвыхъ лошаденокъ ударами хлыста—уже минутъ десять.

— Какъ ты думаешь, — спросилъ я, — удастся намъ нагнать ихъ?

Слѣдователь засмѣялся.

— О, будь покоенъ... Удастся. Эй, мальчикъ! Стой! Ого-го? Стой, паршивецъ! А то натреплю тебѣ уши!!

Слова эти относились къ худому мальчишкѣ лѣтъ пятнадцати, въ бѣлой грязной матросскѣ и растерзанныхъ скороходахъ. Онъ тихонько брель по краю пыльной дороги, подъ тѣнью придорожныхъ деревьевъ, — съ маленькимъ бѣлымъ узелочкомъ въ рукахъ.

— Эй! Остановись, подлый мальчишка.

Мальчикъ увидѣлъ насъ, поблѣднѣлъ, опустился на кучу щебня и горько заплакалъ.

— Кто это?—удивленно спросилъ я.

— Это? Убійца Стамати и его кліента.

— А гдѣ же другой?

— Другого и не было.

— Но они говорили о двухъ — широкоплечихъ, черныхъ...

— Мало что! Послушай-ка, малецъ... Покажи, что у тебя въ узелочкѣ?

Мальчишка снова горько зарыдалъ и трясущимися руками развязалъ узелокъ. Въ немъ мы увидѣли: кисеть съ табакомъ, перочинный ножикъ, кусокъ жареной камбалы и пару сухихъ, какъ камень, пряниковъ, которыми обыкновенно заѣдали вино въ кабакѣ Стамати.

Послѣ недолгихъ распросовъ злосчастный мальчишка признался во всемъ. Они со своимъ дядькой

зашли въ кабакъ дяди Стамати и немедленно-же дядька съ хозяиномъ стали пьянствовать, потомъ танцовали, потомъ упали на полъ и заснули среди разбитыхъ бутылокъ. Ему надоѣло смотрѣть на спящихъ и онъ рѣшилъ уйти домой, въ сосѣднее село. А такъ какъ хозяинъ, приступивъ къ попойкѣ, предусмотрительно заперъ дверь и спряталъ ключъ, то мальчугану ничего не оставалось, какъ выпрыгнуть въ окно.

Онъ тихонько брелъ по краю пыльной дороги.

— А кисеть, ножикъ и рыбу укралъ?—спросилъ слѣдователь.

— Я не буду больше, дяденька... Онъ бы все равно, ножикъ потерялъ, а на табакъ у меня своихъ денегъ нѣтъ. Пустите меня, пожалуйста... Меня мама ждетъ...

Онъ снова зарыдалъ, размазывая по лицу грязь и слезы.

— Ну, ступай, каналья. Да только въ другой разъ черезъ окна не прыгай—не смущай народъ зря...

* * *

Мы возвращались обратно.

— Послушай,—спросилъ я, нерѣшительно и смущенно.—Какимъ образомъ ты догадался, что этотъ мальчишка—тотъ самый.

Онъ засмѣялся.

— Счень просто! Секретъ немудрый: когда южанинъ что нибудь рассказываетъ—нужно всѣ данныя дѣлать пополамъ... Онъ говоритъ—два матроса — значить, одинъ. Черный, какъ жукъ; значить — шатенъ. Широкоплечій, здоровый — понимай: мальчишка. Такая система объяснить тебѣ все: и его „громадный узель“ и „ножи“ и „десять верстъ“ сейчасъ же превращенныя въ двадцать (хотя мальчишка пойманъ только на пятой верстѣ)...

У околицы насъ дожидались Тулумбасовъ и Кандараки, вооруженные ружьемъ и цѣлымъ ворохомъ веревокъ.

— Не догнали?—тревожно спросили они.

Сережкинъ рубль.

Глава I. Какъ его заработали.

Звали этого маленькаго продувнаго человѣчка: Сережка Морщинкинъ, но онъ самъ былъ не особенно въ этомъ увѣренъ... Колебанія его отражались даже на обложкахъ истрепанныхъ тетрадокъ, на которыхъ иногда было написано вкривь и вкось—то:

„Сергей Морсчинкинъ“.

То:

„Сѣргей Мортчинкенъ“...

Эта неустанная, суровая борьба съ буквой „ѣ“ не мѣшала Сережкѣ Морщинкину изрѣдка писать стихи, вызывавшіе изумленіе и ужасъ въ тѣхъ лицахъ, которымъ эти стихи подсовывались.

Писались стихи по совершенно новому способу... Таковы, напримѣръ, были Сережкины знаменитыя строфы о пожарѣ, устроенномъ сосѣдской кухаркой:

До сосѣдей вдругъ донесся слухъ,
Что въ домѣ номеръ три, въ кух

Нѣ, горѣлъ большой огонь,
Который едва-едва потушили!
Кухарку называли „дурой“ миллі
Онъ разъ, чтобъ она смотрѣла лучше.

За эти стихи Серезкина мать оставила его безъ послѣобеденнаго сладкаго, отецъ сказалъ, что эти стихи позорятъ его сѣдую голову, а дядя Владя выразилъ мнѣніе, что любая извозчичья лошадь написала бы не хуже.

Серезка долго плакалъ въ сѣняхъ, за дверью, твердо рѣшивъ убѣжать къ индѣйцамъ, но черезъ полчаса его хитрый, изобрѣтательный умишко заработалъ въ другомъ направленіи... Онъ прокрался въ дѣтскую, заперся тамъ, и послѣ долгой утомительной работы вышелъ, торжественно размахивая надъ головой какой-то бумажкой.

— Что это?—спросилъ дядя.

— Стихи.

— Твои? Хорошіе?

— Да, это ужъ, братъ, почище тѣхъ будутъ,— важно сказалъ Серезка.—Самые лучшіе стихи.

Дядя засмѣялся.

— А ну—прочти-ка.

Серезка взобрался съ ногами на диванъ, принялъ позу, которую никто, кромѣ него, не нашелъ бы удобной, и, сипло откашлявшись, прочелъ:

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,

Бразды пушистыя взрывая
 Летить кибитка удалая...
 Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
 Въ тулупѣ, синемъ кушачкѣ...
 Ему и больно и смѣшно,
 А мать грозитъ ему въ окно.

— Гм!..—сказаль дядя.—Немного безтолково, но рифма хорошая. Можетъ списаль откуда нибудь?

— Ужъ сейчасъ и списаль!—возразиль Сережка, ерзая по дивану и пытаясь стать на голову.—На васъ развѣ угодишь?

Дядя былъ въ великолѣпномъ настроеніи. Онъ схватиль Сережку, перевернулъ его, привель въ обычное положеніе и сказаль:

— Такъ какъ всѣ поэты получаютъ за стихи деньги—получай! Вотъ тебѣ рубль.

Отъ восторга Сережка даже поблѣднѣлъ.

— Это... мнѣ? И я могу сдѣлать, что хочу?

— Что тебѣ угодно. Хоть домъ купи или пару лошадей!

Въ эту ночь Сережкѣ спалось очень плохо—рубль, сулившій ему тысячи разныхъ удовольствій и благъ, будиль хитроумнаго мальчишку нѣсколько разъ.

Глава II. Сдѣлка.

Утромъ Сережка всталъ чуть-ли не на разсвѣтѣ, хотя въ гимназію нужно было идти только въ девять часовъ. Выбрался онъ изъ дому въ восьмомъ часу

и долго бродилъ по улицамъ, обуреваемый смутными, но прекрасными мыслями...

Зайдя за уголъ, онъ вынулъ рубль, повертѣлъ его въ рукахъ и сказалъ самъ себѣ:

— Интересно, сколько получится денегъ, если я его размѣняю.

Зашелъ въ ближайшую лавочку. Размѣнялъ.

Дѣйствительно, по количеству—монетъ оказалась цѣлая уйма—чуть-ли не въ семь разъ больше... но качество ихъ было очень низкое — маленькія, потертыя монетки, совсѣмъ не напоминавшія большой толстый увѣсистый рубль.

— Скверныя деньжонки, — рѣшилъ Сережка. — Ихъ тутъ столько, что немудрено одну монетку и потерять... Размѣняю-ка я ихъ обратно.

Онъ зашелъ въ другую лавченку съ самымъ озабоченнымъ видомъ.

— Размѣняйте, пожалуйста, на цѣлый рубль.

— Извольте-съ.

Новая мысль озарила Сережкину голову.

— А можетъ... у васъ бумажный есть?

— Рублевокъ не имѣется. Есть трехрублевки.

— Ну, дайте трехрублевку.

— Это за рубль-то?! Проходите, молодой человѣкъ.

Опять въ Сережкиномъ карманѣ очутился толстый тяжелый рубль. Осмотрѣвъ его внимательно, Сережка одобрительно кивнулъ головой:

— Даже лучше. Новѣ того. А много можно на него сдѣлать: купить акварельныхъ красокъ... или пойти два раза въ циркъ на французскую борьбу

(при этой мысли Сережка согнулъ правую руку и, наморщивъ брови, пощупалъ мускулы)... а то можно закупить пирожныхъ и съѣсть ихъ сразу, не вставая. Пусть послѣ будетъ болѣть желудокъ—ничего—живешь-то вѣдь одинъ разъ!

Въ это время кто-то сзади схватилъ Сережку сильной рукой за затылокъ и такъ сжалъ его, что Сережка взвизгнулъ.

— Смерть приготоуишкамъ! — прорычалъ зловѣщій голосъ.—Смерть Морщинкину!

По голосу Сережка сразу узналъ третьеклассника Тарарыкина, перваго силача третьяго и даже четвертаго класса—драчуна и забіяку, наводившаго ужасъ на всѣхъ благомыслящихъ людей первыхъ трехъ классовъ.

— Пусти, Тарарыкинъ, — прохрипѣлъ Сережка, беспомощно извиваясь въ желѣзной рукѣ дикаго Тарарыкина.

— Скажи: „пустите, дяденька“!

— Пустите, дяденька.

Удовлетворивъ такимъ образомъ свое неприхотливое честолюбіе, Тарарыкинъ дернулъ Сережку за ухо и отпустилъ его.

— Эхъ, ты—„Морщинка — тараканья личинка“! Хочешь такъ: ты ударь меня по спинѣ, какъ хочешь, десять разъ, а я тебя всего одинъ разъ! Идетъ?

Но многодумная голова Сережки работала уже въ другомъ направленіи. Необъятныя радужныя перспективы рисовались ему.

— Пусти Тарарыкинъ,—прохрипѣлъ Сережка.

— Слушай, Тарарыкинъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья.—Хочешь получить рубль?

— За что? — оживился вѣчно голодный прожорливый третьеклассникъ.

— За то, что я тебя нарочно для примѣра поколочу при всѣхъ на большой перемѣнѣ.

— А тебѣ это зачѣмъ?

— Чтобъ меня всѣ боялись. Будутъ всѣ говорить: разъ онъ Тарарыкина вздулъ, значить, съ малымъ связываться опасно. А ты получишь рубль... Можешь на борьбу пойти... красокъ купить коробку ..

— Нѣтъ, я лучше пироговъ куплю по три копѣйки тридцать три штуки.

— Какъ хочешь. Идетъ?

Въ Тарарыкинѣ боролись два чувства: самолюбіе перваго силача и желаніе получить рубль.

— Чтожъ, братъ... А если я тебѣ поддамся, такъ меня ужъ всякій и будетъ колотить?

— Зачѣмъ? — возразилъ сообразительный Сережка.— Ты другихъ лупи по прежнему. Только пусть я силачемъ буду. А пироги-то... Вѣдь ты ихъ цѣлый мѣсяць ѣсть будешь!

— Недѣлю. Эхъ, Морщинка—собачья начинка — соглашаться что-ли?

Сережка вынулъ рубль и сталъ съ искусственнымъ равнодушіемъ вертѣть его въ рукахъ.

— Эхъ!— застоналъ Тарарыкинъ.—Пропaday моя славушка, досвиданья-съ, моя силушка! Согласенъ!

И размахнувшись, шлепнулъ Сережку ладонью по спинѣ.

— Чего-жъ ты дерешься?

— Такъ, вѣдь, чудакъ же: это въ послѣдній разъ. Потомъ ужъ ты меня колошматить будешь.

И, утѣшившись такимъ образомъ, Таратыкинъ спряталъ рубль въ карманъ старыхъ, запятнанныхъ чернилами всѣхъ цвѣтовъ, брюкъ...

Глава III. Драка.

Ликующе прозвенѣлъ звонокъ на большую пере-мѣну, и широкая волна сѣрыхъ гимназическихъ курточекъ и фуражекъ вылилась на громадный гимназическій дворъ. Поднялся визгъ, крики и веселая суматоха.

Честный юноша Тарарыкинъ выбралъ группу учениковъ побольше, приблизился съ самымъ невиннымъ

лицомъ и сталъ любоваться на состязаніе Мухина и Сивачева, ухитрившихся подбрасывать мячъ ногами, безъ помощи рукъ.

— Попробуй, Тарарыкинъ, — предложилъ Сивачевъ.

Въ это время юркій Сережка Морщинкинъ пробрался между ногъ взрослыхъ учениковъ, просунулъ свой носъ впередъ и пропищалъ самымъ вызывающимъ образомъ:

— Куда этому Тарарышкѣ прыгнуть—у него сейчасъ и ноги отвалятся!

— Ты-ы! — угрожающе зарычалъ Тарарыкинъ.— Знай, съ кѣмъ говоришь! Котлету изъ тебя сдѣлаю.

— Котлету? Ахъ, ты, кухарка свинячья.

— Отойди лучше, Морщинка—получишь по затылку.

— Очень я тебя боялся, — лихо захохоталъ Сережка.—Попробуй-ка, тронь только!

— Да и трону,—проворчалъ Тарарыкинъ.

— А ну, тронь.

— А что-жъ ты думаешь—не трону?

Сережка сталъ въ боевую позу плечомъ-къ-плечу съ громаднымъ Тарарыкинымъ и, задравъ голову, сказалъ иронически:

— Тронь только—кто тебя у меня отнимать будетъ?

Кругомъ засмѣялись.

— Ай-да Морщинка! Смотри, Тарарыкинъ, не струсъ!

— А ну, тронь.

— Ну, что-жъ ты, Тарарыка—небось, только на маленькихъ силачъ. До меня-то и дотронуться боишься.

— Я? Тебя? Боюсь? На-жъ тебѣ, получай!

Тарарыкинъ съ силой размахнулся, но ударилъ по Серезкиной груди такъ, что тотъ даже не пошатнулся.

— Съѣлъ?

— Это, братъ, мнѣ ничего, а вотъ ты попробуй!

Серезка взмахнулъ маленькимъ кулачкомъ и— о чудо! Къ ужасу и изумленію всѣхъ присутствующихъ, верзила Тарарыкинъ отлетѣлъ шаговъ на пять. Какъ всякій неопытный актеръ, честный Тарарыкинъ „переигралъ“, но простодушная публика не замѣтила этого.

— Ого! Ай-да, Серезка!

Тарарыкинъ съ трудомъ всталъ, сдѣлалъ преувеличенно страдальческое лицо и, держась за бокъ, захромалъ по направленію къ Серезкѣ.

— А-а, такъ ты такъ-то?

— Да-съ! Вотъ такъ!—нахально сказалъ Серезка.— На-ка еще, братъ!

Вторымъ ударомъ онъ снова сбиль хныкавшего Тарарыкина и, насѣвъ на него, принялся обрабатывать толстую Тарарыкинскую спину своими кулачками.

Всѣ были изумлены до чрезвычайности.

Когда избитый, стонущій Тарарыкинъ поднялся, всѣ обступили его:

— Тарарыка! Что это съ тобой? Какъ ты ему поддался?

— Кто-жъ его зналъ,—отвѣчалъ добросовѣстный Тарарыкинъ.—Вѣдь это здоровякъ, какихъ мало, У

Какъ всякій неопытный актеръ, честный Тарарыкинъ «переигралъ».

него кулаки—желѣзо. Когда онъ меня свиснулъ первый разъ, я думалъ, что ноги протяну.

— Больно?

— Попробуй-ка. Завяжись самъ съ нимъ. Ну его къ Богу. Я его теперь и не трону больше...

Глава IV. Послѣ побѣды.

Тарарыкинъ честно заработалъ деньги. Сережка сдѣлался героемъ дня. Вѣсть, что онъ поколотилъ Тарарыкина и что тотъ, какъ пригровишка, плакалъ (послѣднее было уже прибавлено восторженными поклонниками)—эта вѣсть потрясла всѣхъ. Результаты Серезкинаго подвига не замедлили сказаться.

Къ упоенному славой Серезкѣ подошелъ первоклассникъ Мелекинъ и принесъ ему горькую жалобу.

— Морщинкинъ! Ильяшенко дерется—дай ему хорошенько, чтобы не заносился.

— Ладно!—нахмурился Сережка.—Я это устрою. А что мнѣ за это будетъ?

— Булку дамъ съ ветчиной и четыре шеколадины въ серебряной бумажкѣ.

— Тащи!

Потомъ подошелъ Португаловъ.

— Здравствуй, Сережка. Сердишься?

— А то нѣтъ? Свинья ты! Жалко было цвѣтныхъ карандашей, что-ли? Обожди! Попадешься ты мнѣ на нашей улицѣ!..

Португаловъ поблѣднѣлъ и, похлопавъ Сережку по плечу, сказалъ:

— Ну, будетъ. Притащу завтра карандаши. Мнѣ не жалко.

Три второклассника подошли вслѣдъ за Португаловымъ и попросили Сережкинаго разрѣшенія пощупать его мускулы.

Получили снисходительное разрѣшеніе. Пощупали руку, поудивлялись. Мускуловъ, собственно, не было, но товарищи были добрые, рѣшили, что рука все-таки твердая.

— Ты что, упражнялся?—спросилъ Гукасовъ.

— Упражнялся,—сказалъ Сережка.

Въ концѣ концовъ, Сережка, опьяненный славой, и самъ повѣрилъ въ свою нечеловѣческую силу.

Проходилъ второклассникъ Кочерыгинъ, уплетая булку съ икрой.

— Стой!—крикнулъ Сережка.—Отдай булку!

Мускуловъ, собственно, не было, но товарищи были добрые, рѣшили, что рука все-таки твердая.

— Ишь—ты, какой! А я то?

— Отдай, все равно, отниму.

Кочерыгинъ захныкалъ, но, вспомнилъ о Тарарыкинѣ, вздохнулъ, откусилъ еще кусочекъ булки и протянулъ ее Сережкѣ.

— На, подавись.

— То-то. Ты смотри у меня! Я до васъ тутъ до всѣхъ добираюсь.

Въ это время проходилъ мимо Тарарыкинъ. Увидѣвъ Сережку, онъ сдѣлалъ преувеличенно испуган-

ные глаза и въ ужасѣ отскочилъ въ сторону. Хотя вблизи никого не было, но онъ, какъ добросовѣстный недалекій малый, считалъ своимъ долгомъ играть роль до конца.

— Боишься?—спросилъ заносчиво Сережка.

— Еще бы. Я не зналъ, что ты такой здоровый.

И вдругъ въ Сережкину безпокойную голову пришла безумная шальная мысль... А что если... Тарарыкинъ дѣйствительно, противъ него не устоитъ? Этотъ крохотный мальчишка такъ былъ опьяненъ всеобщей честью и восторгомъ, что совершенно забылся, забылъ объ условіи и рѣшилъ пойти напроломъ... Насытившись славой, онъ пожалѣлъ о рублѣ, а такъ какъ руки его чувствовали себя желѣзными, непобѣдимыми, то Сережка со свойственной его характеру рѣшимостью, подскочилъ къ Тарарыкину и, схвативъ его за поясъ, сурово сказала:

— Отдавай рубль!

— Что ты?—удивился Тарарыкинъ.—Вѣдь мы же условились...

— Отдавай! Все равно, отниму!

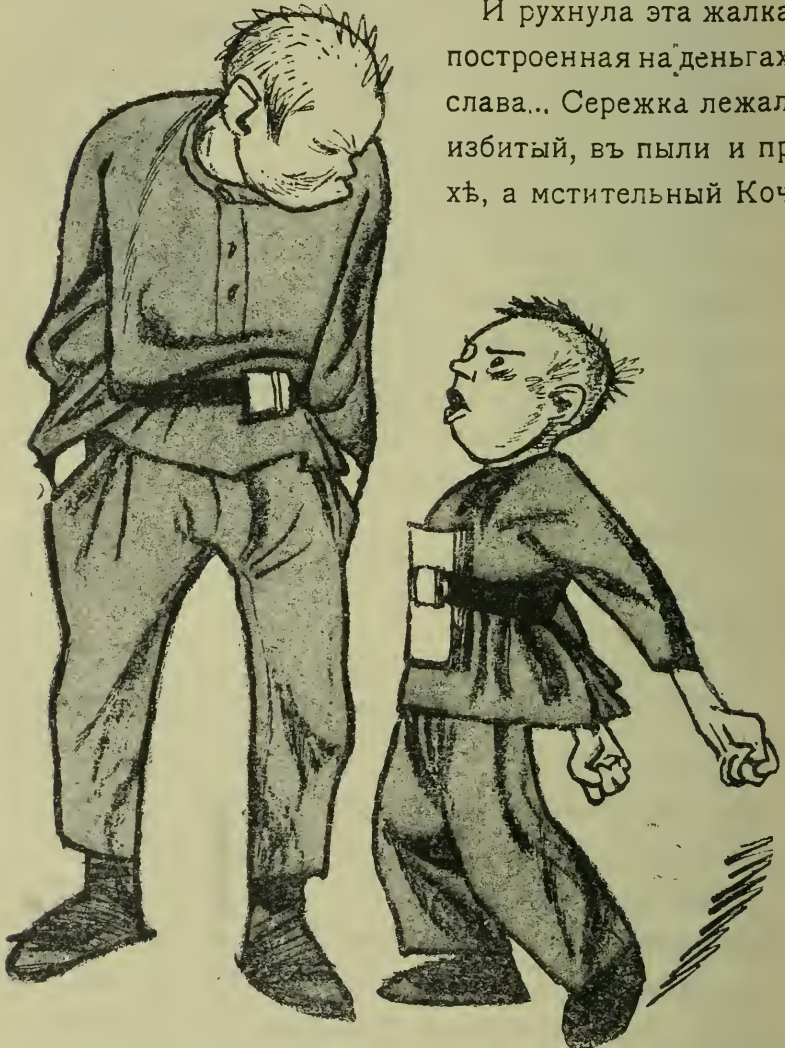
— Ты? Ну, это, братъ, во первыхъ, нечестно, а, во-вторыхъ,—попробуй-ка!

На ихъ споръ собрались любопытные. Снова стали раздаваться комплименты по Сережкиному адресу.

И, не раздумывая больше, Сережка храбро устремился въ бой. Онъ подскочилъ, схватилъ изумленного и огорченного Тарарыкина по головѣ, потомъ ударилъ его въ животъ, но... Тарарыкинъ опомнился.

— Ты... вотъ какъ?

Черезъ минуту Сережка уже лежалъ на землѣ. Во рту чувствовалось что-то соленое, губа вспухла, зловѣщее красноватое пятно засіяло подѣ глазомъ; оно наливалось, темнѣло и постепенно переходило въ синій цвѣтъ

И рухнула эта жалкая, построенная на деньгахъ, слава.. Сережка лежалъ, избитый, въ пыли и прахѣ, а мстительный Коче-

— Отдавай рубль!

рыгинь, отдавшій Сережкѣ булку, подскочилъ къ Сережкѣ и дернулъ его за волосы; подошелъ Португаловъ, ткнулъ его въ спину кулакомъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ цвѣтные карандаши! Поросенокъ...

Уныло, печально возвращался хитроумный Сережка домой; губа вспухла, щека вспухла; на лбу была царапина, рубль пропалъ безслѣдно, дома ожидала головомойка, настроеніе было отчаянное...

Онъ вошелъ робкій, пряча лицо въ носовой платокъ... онъ разсчитывалъ, проскользнувъ незамѣтно въ свою комнату, улечься спать... Но въ передней его ждалъ послѣдній ударъ.

Дядя поймалъ его за руку и сердито сказалъ:

— Ты что же это, мошенникъ, обманулъ меня?! Это твои стихи? Списалъ у Пушкина, да и выдалъ за свои?! Во-первыхъ, за это ты всю недѣлю будешь сидѣть дома—о циркѣ и звѣринцѣ забудь, а во-вторыхъ,—возврати-ка мнѣ мой рубль!

Сердце Сережки упало...

Безъ почвы.

Многіе находятъ, что катанье на колесныхъ конькахъ—очень трудная вещь... Конечно въ нашъ слабый развинченный вѣкъ, когда многіе не умѣютъ даже, какъ слѣдуетъ, кататься на простомъ извозчикѣ—этотъ спортъ представляетъ нѣкоторыя трудности, но, конечно, не такого сорта, чтобы, отправляясь впервые на скэтингъ-ринкъ—попрощаться съ родственниками, написать завѣщаніе и затвердить наизусть послѣднія предсмертныя слова.

Я стоялъ у буфетнаго столика, опираясь на мягкія перила вокругъ асфальтовой площадки, по которой носились съ трескомъ и веселымъ гамомъ оживленныя парочки,—стоялъ и думалъ:

— Только то и всего? Да вѣдь сущій пустякъ—покатиться на этихъ колесикахъ! Мнѣ кажется, я открылъ главный секретъ этого спорта: стоитъ только стараться не упасть—и дѣло на половину слѣлано.

А если вы не рухнули на полъ сразу, то послѣдующіе шаги не представляютъ никакихъ затрудненій... Чтобы сдвинуться съ мѣста, необходимо попросить кого либо изъ находящихся вблизи толкнуть васъ легонько въ спину. А коньки ужъ—такая подвижная штука, что мигомъ домчатъ васъ до противоположной стороны площадки. Попробуемъ.

Я подошлѣ къ служителю, сѣлъ на диванъ, протянулъ ноги и сказалъ тономъ лихого, безразсудно смѣлаго спортсмена:

— Парочку коньковъ! Да получше!! Чтобы они обязательно были на колесикахъ!

— Да они и такъ всѣ на колесикахъ,—возразилъ служитель, завинчивая какіе то винты на моей ногѣ.

— Да?—смутился я.—Это прекрасный обычай.

— Готово, господинъ!

Я опустилъ на полъ осѣдланныя ноги и потихоньку подвигалъ ими... Увы, твердой земли я не ощутилъ: мои ноги какъ будто болтались въ воздухѣ.

— Это... всегда такъ?—робко спросилъ я.

— Что всегда?

— Такъ... скользко.

— А какъ же: колесики! Пожалуйте на площадку.

Я поднялся съ дивана, но нога моя стремительно юркнула куда-то въ сторону, и я снова опустился на свое мѣсто. Мнѣ часто до того приходилось сиживать на диванахъ, но никогда не получалъ такого искренняго удовлетворенія отъ этого, какъ теперь.

Никогда бы раньше я не могъ повѣрить, что можно такъ привязаться и полюбить простую деше-

вую, набитую шерстью подушку. Ни за какія деньги не хотѣлъ бы я разстаться съ ней...

— Что же вы? Пожалуйте.

— Хи-хи,—засмѣялся я.—Хи-хи... Я, голубчикъ, еще немножко посижу здѣсь. Устанешь, знаешь ли, за день... Тутъ у васъ очень мило: тепло, уютно.

Онъ отошелъ отъ меня, а я остался сидѣть, томительно вздыхая и изрѣдка осторожно постукивая скользкой ногой по полу.

Рядомъ со мной надѣвали коньки господину, который былъ въ такомъ же положеніи, какъ я. Но въ этомъ человѣкѣ былъ духъ героя! При Іоаннѣ Грозномъ онъ, вмѣсто Ермака могъ бы завоевать Сибирь; при встрѣчѣ съ тигромъ, онъ ударилъ бы его кулакомъ въ темя и, ошеломивъ этимъ изумленнаго звѣря, притащилъ бы его на веревкѣ домой... Въ этомъ человѣкѣ помѣщался духъ героя! Онъ не сидѣлъ полчаса на диванѣ, не мямлилъ какъ я, а сразу всталъ, выпрямился смѣло во весь ростъ и—грохнулся на буфетный столъ всей своей тяжестью.

Если заразительны дурные примѣры, то заразительны и хорошіе: я всталъ и, прижимаясь къ служителю со всей порывистостью и лаской, на которую способна моя привязчивая натура—направился къ барьеру.

И вотъ—я остался одинъ, судорожно уцѣпившись за барьеръ и дѣлая видъ, что меня страшно заинтересовало устройство потолка.

— Отчего же вы не катаетесь?—дружески спросилъ меня кто-то изъ сидѣвшихъ за столиками.

— Да я... катаюсь.

— Вы бросьте барьеръ! не держитесь за него— тогда легче.

Я послушался совѣта. Но мои ноги (никогда я не подозрѣвалъ въ своихъ собственныхъ конечностяхъ столько хитрости и ехидства) замѣтили этотъ маневръ и сразу разбѣжались въ обѣ стороны такъ далеко, что мнѣ стоило большого труда снова собрать ихъ воедино. При этомъ я сдѣлалъ движеніе, напоминающее самую популярную фигуру въ кэкъ-вокъ и снова съ судорожною поспѣшностью уцѣпился за барьеръ.

— Смѣлѣе, смѣлѣе!—кричалъ мнѣ доброжелатель.— Не льните такъ къ барьеру, какъ къ любимой женщинѣ. Свободнѣе руки, отъѣзжайте отъ барьера.

— Очевидно, онъ знаетъ, что нужно дѣлать,— подумалъ я и отъѣхалъ отъ барьера.

И тутъ я оказался будто висящимъ въ воздухѣ. Коньки сами ерзали по асфальту, какъ живые, я откидывался назадъ, изгибался, какъ угорь и, наконецъ, видя, что позорное паденіе неизбежно—съ молниеносной поспѣшностью схватилъ за обѣ руки какого-то подвернушагося конькобѣжца.

— Что такое?—изумился онъ.— Въ чемъ дѣло?

Стискивая его руки, я трясъ ихъ, изгибался и, чтобы загладить свой безтактный поступокъ, сказалъ трясущимися губами:

— А, здравствуйте!.. Какъ поживаете? Вы... меня не узнаете?

— Первый разъ вижу. Пустите мои руки!

Онъ вырвался. Ноги мои не упустили удобнаго случая сдѣлать гадость ихъ хозяину, развѣхались въ стороны, и я тяжело опустился бокомъ на асфальтъ.

— Упали?—участливо спросилъ мой доброжелатель.

Я сдѣлалъ видъ, что поправляю коньки.

— Нѣтъ, это я такъ сѣлъ. Затянуть ремни. Они, знаете, отъ катанья ослабѣваютъ.

Повозившись съ какимъ то ремнемъ, я тихонько подползъ къ барьеру и— снова нашелъ въ немъ стараго, вѣрнаго, испытаннаго друга.

— Если вы замѣчаете, что падаете,—сказалъ человекъ, сидѣвшій за столомъ (теперь я подозреваю, что онъ былъ—случайный зритель, впервые зашедшій полюбоваться на новый спортъ) если вы замѣчаете, что падаете,—то немедленно поднимайте одну ногу... Равновѣсіе установится, такимъ образомъ, сразу.

Снова я съ тяжелымъ сердцемъ разстался съ барьеромъ... Исполнить совѣтъ моего доброжелателя было тѣмъ легче, что я поскользнулся сразу. И совѣтъ былъ исполненъ даже въ двойной дозѣ. Онъ совѣтовалъ при паденіи поднять одну ногу, а я поднялъ обѣ. Правда, это было послѣ паденія, и для этого пришлось коснуться спиной асфальта, но я увидѣлъ, что въ паденіи, въ сущности, нѣтъ ничего страшнаго.

Мимо меня пролетѣлъ изящный господинъ, граціозно наклонившись впередъ и легко, безъ усилія скользя по асфальтовой глади.

— Попробую и я такъ,—подумалъ я.—Ну, упаду! Эка важность!

Положивъ руки назадъ, я неожиданнымъ, ураганомъ, ринулся въ толпу катающихся. Я упалъ всего два раза, но сбиль съ ногъ челоуѣкъ десять, опрокинулъ неизвѣстнаго толстяка на барьеръ и, сопровождаемый разными пожеланіями и комплементами, усталый, довольный собой отправился снимать коньки.

На второй день я опрокинулъ всего двухъ челоуѣкъ и къ барьеру прикасался лишь изрѣдка, большей частью покровительственно похлопывая его по упругой спинѣ.. На третій день я не опрокинулъ уже ни одного челоуѣка, (опрокинули меня—какой то неуклюжій медвѣдь,—чтобъ его чертъ побралъ—и неизвѣстная дѣвица, бездарная до обморока), на барьеръ смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ на нѣчто смѣшное, ненужное, и демонстративно держался подальше отъ этого пережитка старинной неуклюжести и страха... Пролетая мимо напуганныхъ, искаженныхъ ужасомъ лицъ, кричалъ имъ покровительственно! „смѣлѣ!“, и теперь—если бы мнѣ предложили призъ за катанье,—я взялъ бы его безъ всякаго колебанія, отнѣкиваній и ненужной скромности.

Синее одѣяло.

— Грачевъ! У тебя есть двѣнадцатый выпускъ Ната Пинкертона?

— Нѣтъ; девятый есть. Спроси у Замирайло.

— Замирайло! Дай двѣнадцатый выпускъ Пинкертона.

— Ишь ты какой хитрый... А что же я буду читать?

— Такъ вѣдь сейчасъ урокъ ариѳметики: не будешь же ты читать на ариѳметикѣ.

— Ахъ, господи! Сейчасъ ариѳметика... А я что называется—ни-ни. Всю ночь читалъ Дикъ Викольсонъ—душитель миллионеровъ...

— А что у насъ на сегодня?

— Цѣльное правило, и правило товарищества.

— Здорово. Пойдемъ мы сегодня, какъ топоры ко дну. Вотъ тебѣ и Пинкертонъ. Красильниковъ! Ты приготовилъ?

— Приготовилъ... Могилу я себѣ приготовилъ. Слушай: ты не знаешь случайно, что такое правило товарищества?

По моему, такъ: главное не фискалить, поддерживать товарища въ бѣдѣ; кромѣ того...

— Дурной ты! Я тебя объ ариѳметическомъ правилѣ спрашиваю. Ты еще на урокѣ ляпни такой отвѣтъ Александру Николаевичу...

— Краснокожіе!— Возгласилъ дежурный, заглянувъ въ окно.—Стройся, какъ говорится, къ расчету. Александръ Николаевичъ идетъ.

Сдержный болѣзненный стонъ пронесся по всему классу.

„Мнѣ смертію кость угрожала“—прошепталъ Красильниковъ, судорожно вчитываясь въ Киселева, страницы котораго были испещрены самыми загадочными цифрами и вычисленіями.

Почти у всѣхъ въ рукахъ, вмѣсто Киселева была Богъ его знаетъ какая гадость: маленькія засаленныя книжонки съ аляповато грубо раскрашенными обложками, крикливо вѣщавшими, что содержанія ихъ не менѣе зазвонисто: „Тайна мистера Пэка или три отрѣзанныхъ головы“, „Берлинскій палачь“, „Подземелье дьявола“—все это сплошь грубое, глупое, тошнотворно-безграмотное.

Весь этотъ вздоръ при первыхъ же словахъ дежурнаго, обращенныхъ къ краснокожимъ—моментально нырнулъ въ ранцы и ящики партъ, а взамѣнъ „Берлинскихъ палачей“ выскочили спокойные солидные Киселевы, Киселевы, Киселевы—цѣлое море глубоко-мысленной ариѳметики.

— Много будетъ сегодня убиенныхъ младенцевъ,— пророчески провозгласилъ Красильниковъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ.

— Ну, типунъ-то, это—вопросъ, а единица въ журналъ—вѣрная.

Съ первой скамьи раздался судорожный пискъ умиравшаго отъ ужаса и дурныхъ предчувствій Грачева:

— Замирайло! Золотой голубчикъ! Спаси насъ!

— Какъ же я васъ спасу дурные. Надо было выучить и тройное и цѣпное.

— А самъ-то ты училъ?

— Нѣтъ положимъ. Я вчера у одного мальчика досталъ: „Фантомасъ, убійца дѣтей“... Впрочемъ постоитъ, господа... Надо знаете, что сдѣлать?.. Занять Александра Николаевича разговоромъ. Гм!.. Стопъ Нашель. Чѣмъ ушибься тѣмъ и лѣчись!.. Есть. Только вы ужъ поддержите.

* * *

Учитель математики съ завидной медленностью положилъ на кафедру журналъ, вынулъ платокъ, протеръ очки, аккуратно сложилъ и спряталъ платокъ и только тогда усѣлся на свое мѣсто.

— Ну-съ... Перво-на перво мы провѣримъ, кого нѣтъ въ классѣ.

Онъ медлительно развернулъ журналъ.

— Авиловъ Илья.

— Здѣсь.

— Агабашевъ Стѣпанъ.

— Здѣсь.

— Андріевичъ, Николай.

— Нѣтъ его,—отвѣчалъ дежурный.

— И не будетъ,—вдругъ мрачно пробормоталъ Замирайло.

— Что?—поднялъ голову учитель.

Всѣ молчали.

— Кто сказалъ и не будетъ?

Замирайло съ дѣланной неохотой поднялся съ мѣста.

— Я сказалъ „и не будетъ“.

— Что жъ онъ: серьезно боленъ, что ли?

— Нѣтъ,—промямлилъ Замирайло,—не то... Да я ужъ и не знаю, говорить ли, вообще, Александръ Николаичъ...

— А что такое? Въ чемъ дѣло?—встревоженно поднялъ голову добрякъ-математикъ.

— Да я боюсь, какъ бы и мнѣ въ эту исторію не запутаться... Будутъ еще по судамъ таскать какъ свидѣтеля...

И добавилъ съ лицемѣрной заботливостью:

— А это можетъ отразится на моихъ учебныхъ занятіяхъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, въ чемъ дѣло съ Андріевичемъ,—совсѣмъ уже встревожился учитель.—Что такое? При чемъ тутъ судъ?

Замирайло, опустивъ голову молчалъ.

— Ну, же? Говори смѣло, не бойся.

— Ну, хорошо,—вздохнулъ Замирайло.—Я скажу все, что знаю, тамъ не мое дѣло. Вчера, какъ вамъ извѣстно, было воскресенье. Я рѣшилъ съ утра пойти

на рѣку, половить рыбу. Ну, конечно, взялъ съ собой и учебныя книжки... Киселева „Ариѣметику“ взялъ. Думаю, что хотя и знаю все, но все таки еще подзубрить не мѣшаетъ. Иду это я къ рѣкѣ, встрѣчаю Андріевича, подъ мышкой у него синее одѣяло и книжки.

Замираило на минуту замаялся потомъ великодушно закончилъ:

— Тоже учебныя книжки. Онъ тоже шель на рѣку учить Киселева. „Здравствуй, голубчикъ Андріевичъ“,—говорю я ему,—„Куда это ты съ книжками и одѣяломъ направляешься?“—„А къ рѣкѣ, говоритъ.—Лягу себѣ, говоритъ, подъ кустикомъ и тоже буду учить ариѣметику“.—„Ну, хорошо,—говорю я ему,—только ты садись подальше, чтобы мы не мѣшали другъ другу учить ариѣметику“... Такъ мы и сдѣлали. Я усѣлся подъ ивой на бережку, а онъ улегся, такъ... ярдовъ на сто...

— Ну, ну—и что же?—поощрилъ заинтересованный учитель.

— Сижу я, значить, ужу рыбку, учу ариѣметику (хотя, конечно, я знаю, но для вѣрности училъ еще), вдругъ слышу за спиной на горкѣ голоса... Кто эти проходящіе, я не видѣлъ, сидѣлъ спиной, да и кусты мѣщали,—но разговоръ я услышалъ такой: „Такъ значить, рѣшено, Манюкъ“?—„Значить рѣшено“.—„Деньги получишь, какъ обѣщленно. Это тебѣ получше лошадей“.—„А вы вѣрно знаете, что онъ тутъ?“—„Здѣсь онъ, здѣсь. Взялъ одѣяло и пошелъ на рѣку. Манюкъ!“—„А?“—„Только сдѣлай же такъ, чтобы никакихъ слѣдовъ не было“.—„Да ужъ разъ рѣка

подъ бокомъ какіе же слѣды“... „Тутъ они прошли и я дальше ихняго разговора не слышалъ... Только минутъ черезъ пять до меня донесся издали какой-то разговоръ, потомъ подавленный крикъ, потомъ всплескъ воды!.. а потомъ все смолкло“.

— Ну?—поощрилъ учитель.

— Все,—глубоко вздохнулъ Замирайло.—Больше я ничего не знаю.

Учитель задумался, покусывая суставы пальцевъ

— Я думаю, что все это вздоръ. Просто случайное совпаденіе. Кому, спрашивается, можетъ понадобится жизнь Андріевича... Ну-съ... А теперь приступимъ къ правилу товарищества. Кого бы мнѣ вызвать?..

Вдругъ съ мѣста поднялся Красильниковъ и взволнованнымъ голосомъ спросилъ Замирайло:

— Замирайло! А какого цвѣта было одѣяло у Андріевича?

— Синяго,—съ готовностью отвѣтилъ Замирайло.

— Синяго? Гм... Странно. Все это очень странно,—потирая лобъ, прошепталъ Красильниковъ.

— Что тебѣ странно Красильниковъ?—удивленно спросилъ учитель.

— Такое странное совпаденіе. Какъ вы знаете, господа домъ моего отца стоитъ на Проломной, ярдахъ въ четырехстахъ отъ рѣки. А у насъ есть собака—Тигръ. И этотъ Тигръ вѣчно шатается по окрестностямъ и всегда наровитъ притащить какуюнибудь дрянъ: то кусокъ дѣхлой кошки, то обглоданную кость. А вчера онъ является домой и приноситъ въ зубахъ кусокъ синяго... одѣяла. И на кускѣ какіе

то красныя пятна, запачканныя землей. Тигръ положилъ обрывокъ на полъ и сталъ слизывать красныя пятна...

Красильниковъ потеръ ладонью лобъ и умолкъ.

— Все?—спросилъ учитель.

— Все.

— Да все это странно. Ну, я думаю, его родители сами все выяснятъ. Итакъ: правило товарищества... Вызовемъ мы...

— Теперь мнѣ многое дѣлается яснымъ,—громко сказалъ Грачевъ, ни къ кому опредѣленно не обращаясь.

— Что тебѣ ясно?—встрепенулся учитель.

Грачевъ всталъ и началъ увѣреннымъ, полнымъ тайнаго значенія тономъ:

— Вчера я зашелъ къ Красильникову, взять у него учебникъ ариеметики. У меня мою книгу кто-то укралъ (мнѣ говорили, что въ городѣ дѣйствуетъ какая-то шайка), а я хотѣлъ во что бы то ни стало приготовить на сегодня урокъ... Захожу къ Красильникову, онъ сидитъ—учитъ правило товарищества. Поговорили о томъ о семъ, объ ариеметикѣ... вдругъ онъ рассказываетъ: „понимаешь, говоритъ, нашъ Тигръ принесъ странный обрѣзокъ одѣяла.“ — „Обрывокъ,—поправляю я,—а не обрѣзокъ“ — „нѣтъ, говоритъ, обрѣзокъ“... Вѣдь ты, Красильниковъ, настаивалъ на томъ, что это обрѣзокъ?

— Настаивалъ,—съ готовностью согласился, Красильниковъ,—и сейчасъ настаиваю. Кусокъ одѣяла

именно срѣзокъ отъ цѣлаго и ножъ, очевидно былъ очень острый потому что безъ рваныхъ мѣстъ...

— Все таки, что же тебѣ ясно?—переспросилъ Грачева учитель.

— Когда онъ мнѣ показалъ обрывокъ или тамъ отрѣзокъ, я и говорю: „постой, да вѣдь это одѣяло Андріевича. Я у него какъ то былъ, сидѣлъ на кровати и какъ разъ обратилъ вниманіе на цвѣтъ и рисунокъ одѣяла...“ Мнѣ какъ то сразу сдѣлалось безпокойно. „Знаешь что,—говорю я.—Пойду-ка я къ Андріевичу, лучше у него возьму ариѐметику. Кстати же и провѣдаю его, какъ онъ живетъ“ попрощался съ Красильниковымъ, иду...

— Да это вѣрно,—подтвердилъ обстоятельный Красильниковъ—онъ со мной попрощался и пошелъ...

— Не мѣшай, Красильниковъ,—раздался гулъ голосовъ.

— Иду... Прихожу къ Андріевичу, встрѣчаетъ меня ихняя домоправительница... Какъ извѣстно, господа, Андріевичъ сирота, сынъ очень богатыхъ родителей и живетъ онъ у своего холостого опекуна. „Что вамъ!“ спрашиваетъ меня домоправительница и все этакъ подозрительно на меня поглядываетъ. „Андріевичъ дома!“ спрашиваю. „Нѣтъ его, нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ“. И видно, что старая вѣдьма старается какъ можно скорѣе спровадить меня со двора. Вдругъ вижу я, изъ дому на крыльцо выходитъ цыганъ Манюкъ, про котораго говорятъ что онъ конокрадъ и занимается, вообще, всякими темными дѣлами... И вдругъ тутъ меня будто что въ бокъ толкнуло. „А я,

говору, къ Андріевичу пришелъ по дѣлу. Мы, видите ли, устраиваемъ любительскій спектакль и намъ нужно для занавѣса синее одѣяло... Андріевичъ говорилъ, что у него есть, обѣщаль дать?! Она ка-акъ разсвирѣпѣеть. „Уходите, кричить, никакихъ одѣялъ не могу вамъ дать. Молодого барина нѣтъ, а я безъ него не могу его вещей давать“. А меня какъ будто что-то въ бокъ толкаетъ: „Мадамъ, говорю я.—Я этого одѣяла и не собираюсь брать съ собой; вы мнѣ только покажите его—годится ли?“ Тутъ она взвизгнула, схватила меня за плечи, вытолкала и захлопнула калитку, передъ самымъ моимъ носомъ.

— Гм!..—промычалъ учитель. — Замирайло! Вы скажи свое просвѣщенное мнѣніе по этому поводу...

— Что жъ я скажу, Александръ Николаичъ,—скромно всталъ Замирайло.—Я ничего не знаю; а только у Андріевича въ будущемъ большія деньги, и опекуну выгодно отдѣлаться отъ бѣднаго Николая...

— Такъ ты думаешь, что это, опекунъ говорилъ съ Монюкомъ за твоей спиной?

— Увѣренъ,—бодро сказалъ Замирайло.

— Въ которомъ часу это было, приблизительно?—спросилъ учитель.

— Въ десять часовъ утра или немного позже.

— Ну, такъ поздравляю васъ: я былъ вчера около этого времени на вокзалѣ и видѣлъ опекуна Андріевича—я его немного знаю въ лицо. Онъ сѣлъ въ десятичасовой кievскій поѣздъ и уѣхалъ.

Это сообщеніе учителя произвело большое впечат-

— Да, любопытная исторія любопытная. Хотѣлъ бы я знать, что случилась съ Андріевичемъ и гдѣ онъ сейчасъ...

И вдругъ всталъ доселѣ молчавшій и погруженный въ чтеніе какой-то раскрашенной книжки Авиловъ, Антонъ.

— Александръ Николаичъ,—простодушно спросилъ онъ.—Вы кажется хотите знать, гдѣ сейчасъ Андріевичъ?

— Да! А ты развѣ знаешь?

— Я когда шелъ сегодня утромъ въ гимназію, встрѣтилъ его. Онъ сказалъ, что его опекунъ заболѣлъ и онъ долженъ бѣгать въ аптеку и сидѣть около него.

— Чего жъ ты раньше молчалъ чудакъ,—удивился учитель.—Мы тутъ цѣлый часъ толкуемъ объ Андріевичѣ, а онъ...

— А я не слышалъ. Я читалъ книжку... Ариѣметику Киселева читалъ. Такъ увлекся, что и не слышалъ о чемъ говорятъ.

— Экая досада. А вы, господа, вѣчно какія нибудь глупости выдумаете. Почудится имъ какой-нибудь вздоръ, они и пойдутъ расписывать только время даромъ отнимаютъ...

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ надзиратель. Сказалъ:

— Александръ Николаичъ! Батюшка сейчасъ запиской сообщилъ, что на урокъ Закона Божьяго не будетъ. Директоръ просилъ васъ заняться съ классомъ еще на одинъ часъ.

Сдержанный глухой стонъ какъ вѣтерокъ, пронесся по классу.

— Ну-съ, Пинкертоны,—обратился учитель къ поникшимъ ученикамъ.

— Сейчасъ пятиминутная перемѣна, а черезъ пять минутъ займемся правиломъ товарищества... Вы всё такъ его вызубрили, что пріятно будетъ васъ спросить...

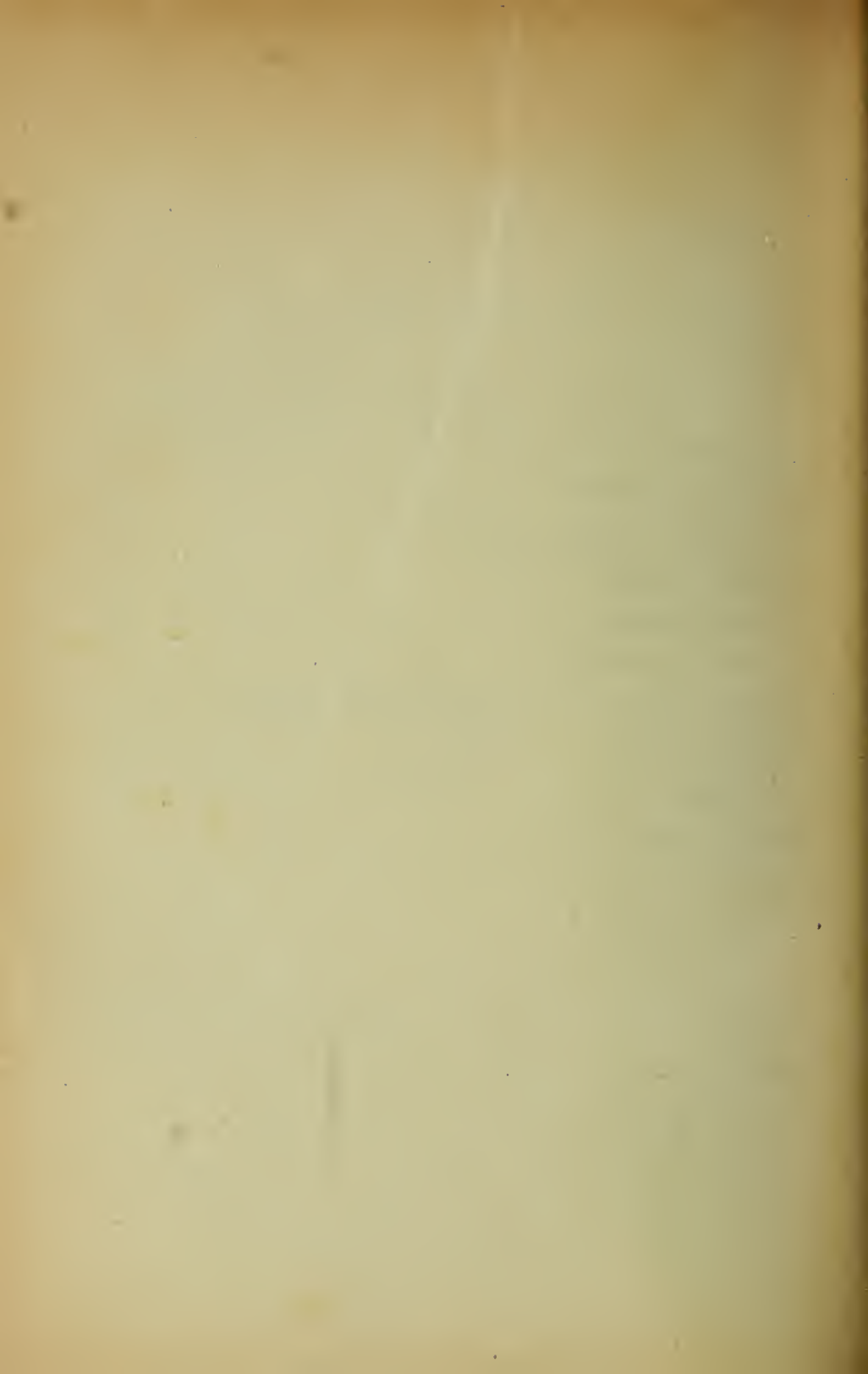
Волосы у Пинкертоновъ стали дыбомъ. Будто цѣлый лѣсъ тоненькихъ единицъ пророчески поднялся на головы у каждого изъ нихъ.

.....

О г л а в л е н і е .

	Стр.
Предводитель Лохмачевъ	5
Индѣйская хитрость	21
Преступленіе голубого шакала	28
Японская борьба	36
Цѣловой мальчикъ	48
Солидное предпріятіе	62
Страшное преступленіе въ кабацѣ дяди Стамати	71
Сережкинъ рубль	82
Безъ почвы	98
Синее одѣяло	104

лѣніе. Всѣ притихли. Воспользовавшись паузой учитель снова развернул журналъ и сказалъ:

— Кого же бы намъ сейчасъ вызвать?..

— Понялъ!—вдругъ раздался голосъ Азешашева, Степана.—Теперь не буду больше ломать себѣ голову.

— Надъ чѣмъ это Азешашевъ? Надъ чѣмъ ты не будешь ломать голову?

— Да это пустякъ, Александръ Николаичъ. Но все таки, меня онъ удивилъ. У меня есть товарищъ, сынъ начальника станціи... И онъ вчера утромъ позвалъ меня покататься на маневрирующемъ паровозѣ. Съли мы—паровозъ стоялъ на запасномъ пути, сзади десятичасового пассажирскаго, вдругъ раздается третій звонокъ, пассажирскій трогается и только что онъ тронулся, какъ на площадкѣ показался пожилой господинъ съ чемоданомъ, открылъ дверцу площадки, да и выскочилъ съ нашей стороны, то есть, съ противоположной перрону. Схватилъ чемоданъ, да сдѣлавъ маленькій крюкъ, и помчался въ городъ.

— Вздоръ ты говоришь, Азешашевъ; если, какъ я тебя понимаю это былъ опекунъ Андріевича, то какъ онъ могъ черезъ колеса попасть на рѣку и встрѣтиться съ Манюкомъ, если отъ вокзала до рѣки ѣзды на извозчикѣ не меньше часу. Просто совпаденіе. Ну, мы все тутъ болтаемъ, а часъ уже скоро кончается. Ну-съ: пусть намъ расскажетъ о правилѣ товарищества... Батуричевъ, что ли.

Батуричевъ всталъ, помолчалъ немного и сказалъ:

— Правиломъ товарищества называется... Нѣтъ, не могу припомнить! Можетъ быть, это и пустякъ, можетъ, это и не имѣетъ отношенія, но сказать я обязанъ:

Учитель былъ чрезвычайно удивленъ такимъ продолженіемъ „правило товарищества“:

— Что это ты тамъ бормочешь, Батуричевъ? Что ты обязанъ сказать?..

— Вчера утромъ, Александръ Николаичъ я всталъ очень рано. Хотя было воскресенье, но думаю, встану, поучу хорошенько правило цѣпное и товарищества, а потомъ пойду гулять... А около нашего дома помѣщается гаражъ, оттуда можно брать автомобили. Смотрю стоитъ автомобиль, весь въ пыли, а около ходитъ шофферъ и о чемъ-то разговариваетъ съ механикомъ. Я тоже остановился около автомобиля люблюсь машиной слушаю: „Чего жъ онъ такъ гналъ тебя?“— „Богъ его знаетъ. Я стоялъ у вокзала, вдругъ онъ подбѣгаетъ, съ чемоданомъ, пожилой такой, вѣрно чѣмъ-то озабоченный, вскакиваетъ въ моторъ и говоритъ: „поднимите верхъ и не жалѣя машины, летите къ рѣкѣ пятьдесятъ рублей на чай получите!“ Я и погналъ. Около рѣки изъ за кустовъ вышелъ какой-то чернобородый и они о чемъ-то заговорили... А я уѣхалъ“. Не знаю, почему мнѣ запомнился этотъ рассказъ шоффера, но я...

Рѣзкій звонокъ, возвѣщавшій окончаніе учебнаго часа прозвучалъ въ корридорѣ.

Всѣ облегченно вздохнули.

Учитель сдѣлался задумчивъ.

Цѣна 6 руб.

ИЗДАНИЕ

Товарищества „Новый Сатирикон

Петроградъ, Невскій, 88.

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 26 25 01 014 4